

ОБОРОТНИ

В РЯСАХ

ТЕНЬ ЧЕТВЕРТОГО РЕЙХА

ЛУКАС БРАЙАНТ

Оборотни в рясах: Тень Четвертого Рейха

Лукас Брайант

В книге сочетаются документальные фрагменты и художественная реконструкция. Там, где точные слова и действия участников неизвестны, сцены и диалоги воссозданы автором. Некоторые персонажи являются собирательными образами, отдельные детали изменены.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Молитва о Победе

Глава 2. Эхо Ветхого Завета

Глава 3. Те, кто строит ненависть

Глава 4. Церковный Трибунал

Глава 5. Садистократия

Глава 6. Тень Четвертого Рейха

Глава 7. Исповедь Изгнанных

Глава 8. Пробуждение

Заключение: Вердикт

Источники

Пролог

Холодный сентябрьский утренний свет едва пробивался сквозь узкие окна алтаря, выхватывая из полумрака кружащиеся пылинки. Запах ладана, въевшийся в старые деревянные панели за десятилетия непрерывных служб, сегодня казался особенно тяжелым, почти удушающим. Отец Иоанн стоял перед престолом в полном одиночестве. В его руках был не старинный служебник в кожаном переплете, а обычный белый лист формата А4, распечатанный на дешевом принтере в епархиальной канцелярии.

Официальный бланк. Печать. Подпись. И текст, который теперь надлежало читать вслух, перед всей паствой, на каждой литургии.

«Молитва о Святой Руси».

Иоанн перечитывал строки в пятый раз, и с каждым прочтением внутри него росло чувство глубокого, ледящего диссонанса. Слова, напечатанные ровным шрифтом, складывались в формулы, которые его разум, воспитанный на текстах Нового Завета, отказывался принимать. Текст носил форму прошения к Богу, но по своей внутренней структуре, по своему духу он являлся военной директивой. Там, где веками звучала мольба о смягчении сердец и прекращении вражды, теперь стояло жесткое, безапелляционное требование триумфа над противником.

Его взгляд снова и снова спотыкался об одно конкретное слово. «Победа».

В тишине пустого храма Иоанн закрыл глаза. Он вспомнил день своей хиротонии. Вспомнил, как лежал крестом на каменном полу перед алтарем, чувствуя холод камня сквозь ткань облачения, и давал обет служить Тому, Кто сказал: «Блаженны миротворцы». Он клялся быть пастырем, врачующим раны, а не призывающим к их нанесению. Вся его вера, весь смысл его существования строились на заповеди любви, которая не знает государственных границ и политических интересов.

Теперь же невидимый, но всемогущий бюрократический механизм требовал от него превратить амвон в трибуну.

Иоанн подошел к небольшому столику в углу алтаря, где лежали записки о здравии и упокоении, принесенные прихожанами. Он взял в руки шариковую ручку. Пальцы слегка дрожали. Он понимал масштаб того, что собирается сделать. В жестко

выстроенной вертикали современной церковной власти любое отклонение от спущенного сверху циркуляра рассматривалось не как теологическое разномыслие, а как должностное преступление. Система не прощала самостоятельности.

Он поднес ручку к бумаге. Одно движение. Тонкая синяя линия перечеркнула напечатанное слово «победа». Сверху, аккуратным почерком, Иоанн вывел другое слово: «мир».

В этот момент в храме не прогремел гром, не задрожали стены. Тишина осталась такой же плотной и равнодушной. Но для отца Иоанна этот тихий скрип ручки по бумаге стал оглушительным. Он перешел невидимую черту.

То, с чем столкнулся молодой священник в то сентябрьское утро, было лишь крошечным фрагментом колоссального сдвига. Далеко за пределами его скромного прихода, в высоких кабинетах с массивными дубовыми столами и золочеными иконами, уже давно работали люди, методично переписывающие сам генетический код православия. Они не носили военной формы, их грудь украшали панагии и кресты, но их мышление было мышлением инквизиторов и политехнологов.

Документы, внутренние циркуляры и публичные выступления последних лет свидетельствуют о том, что внутри религиозного института произошел тихий, но безжалостный переворот. Евангелие милосердия планомерно вытеснялось ветхозаветной этикой возмездия. Формировалась новая реальность, в которой оправдание насилия становилось нормой, а призыв к состраданию — поводом для подозрений в неблагонадежности.

Эта трансформация не произошла в одночасье. Тень надвигалась постепенно. Сначала через агрессивную риторику так называемых «сектоведов», которые под видом защиты чистоты веры внедряли в церковное сознание методы стигматизации и дегуманизации оппонентов. Затем через слияние церковного аппарата с государственной машиной пропаганды. И, наконец, через создание внутри самой церкви атмосферы тотального контроля, где донос стал доблестью, а страх — главным инструментом управления.

Люди, стоящие за этим процессом, прекрасно понимали силу слова и символа. Они знали, что религия обладает уникальной способностью мобилизовать массы, придавая любым, даже самым жестоким политическим решениям, ореол сакральности. Используя терминологию защиты традиционных ценностей, они выстраивали систему, пугающе

напоминающую исторические прецеденты прошлого века, когда духовные лидеры благословляли марширующие колонны и закрывали глаза на дым над лагерями.

Отец Иоанн положил ручку. Он знал, что за ним придут. Знал, что найдутся те, кто донесет благочинному о его самоуправстве. Знал, что его ждет епархиальный суд, лишение сана, изгнание из храма, который он восстанавливал своими руками. Но глядя на исправленный текст молитвы, он впервые за последние месяцы почувствовал глубокое, ясное спокойствие.

История, которая развернется на страницах этой книги, соткана из множества подобных моментов. Это хроника того, как огромный духовный институт оказался в заложниках у идеологии, не имеющей ничего общего с Богом. Это исследование методов, с помощью которых архитекторы новой реальности пытались заставить замолчать голос совести. И это свидетельство о тех, кто, оказавшись перед лицом безжалостного механизма, выбрал потерять все земное, чтобы сохранить главное.

Глава 1. Молитва о Победе

Запах ладана в старом сельском храме всегда казался отцу Владимиру чем-то неизменным, вечным, как и сами своды, почерневшие от времени и копоти тысяч свечей. В его приходе, затерянном среди бескрайних полей средней полосы, время текло иначе. Здесь молились о дожде в засуху, о здоровье скота, о благополучном разрешении от бремени и о том, чтобы сыновья возвращались домой живыми. Литургия была не просто ритуалом, а дыханием общины, где каждый знал друг друга, а священник был и духовником, и судьей, и утешителем.

В сотнях километров от него, в шумном мегаполисе, протоиерей Александр готовился к воскресной службе в крупном соборе. Интеллектуал, человек с глубоким историческим образованием, он привык к сложным исповедам городской интеллигенции, к тонким богословским спорам и к тому, что церковь в городе — это место поиска смыслов.

А где-то между ними, в недавно восстановленном кирпичном храме небольшого районного центра, молодой отец Иоанн бережно перелистывал страницы на престольного Евангелия. Он принял сан всего несколько лет назад, искренне веря в то, что Нагорная проповедь — это не метафора, а прямое руководство к действию. «Блаженны миротворцы: ибо они будут наречены сынами Божиими». Эти слова были для него фундаментом, на котором строилось все здание его веры.

Их миры, такие разные по ритму и наполнению, рухнули в один день.

25 сентября 2022 года стало водоразделом. В этот день Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Владимир Гундяев) официально ввел новую молитву для обязательного ежедневного чтения во всех храмах Русской Православной Церкви. Документ, спущенный по всем епархиям, носил название «Молитва о Святой Руси». В народе и в кулуарах епархиальных управлений она мгновенно получила другое, более точное имя — «Молитва о победе».

Механика распространения этого текста поражала своей бездушной, почти военной эффективностью. Это не было соборным решением. Это не было плодом долгих богословских размышлений Священного Синода. Текст не прошел процедуру утверждения и не был включен в официальные литургические книги, такие как Евхологий. Он появился как директива.

Отец Иоанн помнит тот вечер в деталях. На экране его старенького смартфона высветилось уведомление из закрытого чата благочиния в WhatsApp. Сообщение от секретаря епархии было сухим и не терпело возражений: «Отцы, благословением Святейшего Патриарха, начиная с завтрашнего дня, за каждой Божественной Литургией на сугубой ектении надлежит читать прилагаемую молитву. Исполнение строго обязательно. О получении отписаться». К сообщению был прикреплен файл в формате PDF.

Распечатав документ на принтере в церковной лавке, Иоанн вчитался в текст, стилизованный под традиционный церковнославянский язык. На первый взгляд, это выглядело как типичное религиозное прошение. В современном православии существуют тысячи подобных текстов для самых разных нужд. Но по мере чтения молодой священник чувствовал, как внутри него нарастает леденящий холод. Это было не литургическое сочинение. Это был идеологический манифест, облеченный в форму сакрального текста.

В христианской традиции молитва — это средство соединения человеческой личности с Божественной природой, акт смирения перед высшим замыслом. Центральным нервом любой христианской молитвы является прошение «Да будет воля Твоя», оставленное самим Христом. Молитва в условиях конфликта исторически всегда была мольбой о вразумлении, о смягчении злых сердец, о прекращении кровопролития и покаянии обеих сторон.

Но текст, который Иоанн держал в руках, ломал эту тысячелетнюю парадигму.

В нем черным по белому было напечатано: «...се бо брани хотяция ополчишася на Святую Русь, чающе разделить и погубити единый народ ея».

Протоиерей Александр, читая те же самые строки в своем кабинете при городском соборе, горько усмехнулся. Как историк, он мгновенно считал заложенные в текст нарративы. Эта фраза представляла собой концентрированную квинтэссенцию государственной пропаганды, искусно переведенную на язык церковных прошений. Произошла колоссальная подмена понятий. Реальный, жестокий военный конфликт искажался и преподносился пастве как нападение неких внешних, демонизированных сил на мифическую «Святую Русь».

Концепт «Святой Руси» отсылал к историческому периоду возникновения христианства в Киевской Руси тысячу лет назад — времени, когда ни современная Россия, ни Украина еще не существовали в их нынешнем виде. Привязывая современный политический проект «русского мира» к древней «Святой Руси», авторы молитвы совершали акт исторической и теологической манипуляции. Такое толкование фактически отрицало суверенитет соседнего государства, его историю и право на самоопределение, сводя целую страну к роли «отделенного фрагмента». Более того, в коллективное сознание верующих внедрялся концепт «цивилизационного превосходства», возводящий их в ранг «избранного народа», окруженного врагами.

Но главный удар ждал священников в следующей строке.

«Возстани, Боже, в помощь людям Твоим и подаждь нам силою Твоею победу».

Отец Владимир, сидя на крыльце своего сельского дома, долго смотрел на эти слова. Его прихожанки — старушки в выцветших платках, матери, чьих сыновей только что забрали по мобилизации, — приходили в храм плакать и просить Бога о том, чтобы их дети никого не убили и сами остались живы. Они просили мира. А теперь он, их

пастырь, должен был выйти на амвон и от имени всей общины потребовать у Бога военной победы.

Через шесть месяцев после начала боевых действий руководство церкви намеренно произвело подмену христианского идеала мира милитаристским понятием победы. Это смещение полностью меняло духовный фокус верующих с примирения на эскалацию. Молитва переставала быть прошением о мире и становилась просьбой об успешном уничтожении противника.

Для отца Иоанна это стало моментом глубочайшего внутреннего кризиса. Заповедь «Не убий» в Евангелии получает радикальное углубление: даже гнев на брата приравнивается к убийству. Молитва о военной победе не просто обходила эту заповедь — она стремилась получить от Бога прямую санкцию на насилие, пытаясь сделать Творца соучастником нарушения Его же основного закона. Это вступало в неразрешимое противоречие с величайшей заповедью любви к Богу и ближнему, где «ближний», согласно притче о добром самарянине, означает любого человека, включая врага.

Когда верующих заставляют молиться о военной победе, их идентичность «детей Божиих» насильно меняется на идентичность «детей земного отечества». Интересы государства ставятся выше Христовых заповедей. Универсальное, наднациональное Царство Небесное в тексте молитвы заменялось конкретным геополитическим проектом. Мольба о славе через победу над врагом отдавала эхом языческого, племенного мировоззрения, где локальное божество выступает покровителем одного племени в кровавой борьбе с другим.

Как руководство РПЦ обосновывало этот теологический переворот? Первые публичные выступления иерархов после введения молитвы не оставляли сомнений: церковь добровольно и осознанно взяла на себя роль идеологического отдела государства.

Патриарх Кирилл в своих проповедях начал выстраивать новую теологию конфликта. Война преподносилась не как трагедия, а как метафизическая битва. В одной из своих речей он заявил, что конфликт — это защита от могущественного мира, стремящегося навязать «гей-парады». В другой проповеди он пошел еще дальше, предложив концепцию, которая повергла в шок многих богословов. Он фактически уравнивал гибель солдата на поле боя с искупительной жертвой Иисуса Христа.

В храме прозвучали слова, которые навсегда изменили лицо современного русского православия: «Бог в Сыне Своём отдаёт Свою человеческую жизнь ради других людей, ради рода человеческого, значит жертвенность есть высочайшее проявление любви человека к своим ближним. Жертвенность есть величайшее проявление лучших человеческих качеств. Мы знаем, что сегодня многие погибают на полях междоусобной брани».

Эта риторика опиралась на специфическое толкование Основ социальной концепции РПЦ, где слова Христа «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» начали применяться исключительно к военным действиям. Патриотизм стал трактоваться, как высшая форма исполнения Божьей заповеди, а защита государства — как прямой путь к святости.

Для протоиерея Александра эти слова звучали как набат. Он видел, как на его глазах религия превращается в инструмент мобилизации. Церковь предоставляла государству ту сакральную легитимность, которой ему так не хватало, оправдывая политические решения божественным авторитетом.

Но самым страшным было не само появление текста, а то, как система начала контролировать его исполнение.

«Молитва о победе» стала лакмусовой бумажкой, маркером лояльности. Духовный текст превратился в административный приказ с жестким контролем исполнения. В епархиях начали работать механизмы надзора. Благодочинные негласно поручали доверенным лицам из числа алтарников или активных прихожан следить за тем, читают ли настоятель установленный текст.

В приходе отца Владимира атмосфера изменилась за несколько недель. Если раньше после службы люди оставались на совместную трапезу, обсуждая урожай и здоровье детей, то теперь в воздухе повисло напряжение. Появились те, кто внимательно вслушивался в каждое слово священника на сугубой ектении. Однажды после литургии к отцу Владимиру подошел староста храма, бывший военный, и тихо, но твердо сказал: «Батюшка, вы сегодня молитву Патриаршую как-то скомкано прочитали. Люди замечают. Время сейчас сложное, надо чтобы все четко было, по уставу».

Слово «устав» в устах старосты прозвучало как угроза. Отец Владимир понял: за ним наблюдают. Его паства, которую он крестил, венчал и отпевал десятилетиями, начала разделяться. Вдохновленные новой, агрессивной риторикой, транслируемой не

только по телевизору, но теперь и с амвонов, некоторые прихожане начали проявлять нетерпимость к любому проявлению сомнения. Молитва, призванная объединять, стала инструментом разделения и выявления «неблагонадежных».

Протоиерей Александр в городе столкнулся с еще более изощренной системой контроля. На епархиальном собрании правящий архиерей, не поднимая глаз от бумаг, ровным голосом произнес: «Братья, напоминаю о неукоснительном чтении Молитвы о Святой Руси. Самовольные сокращения, изменения текста или замена его на иные прошения недопустимы и будут рассматриваться как нарушение священнической присяги со всеми вытекающими каноническими последствиями».

В зале, где сидели сотни священников, стояла мертвая тишина. Никто не задал вопроса. Никто не поднял руку, чтобы сказать о противоречии этого приказа Евангелию. Страх, плотный и осязаемый, заполнил помещение. Система дала понять: политическая целесообразность теперь превалирует над каноническим правом и пастырской совестью. Отказ читать молитву трактовался не как теологическое разномыслие, а как бунт против корпорации.

Отец Иоанн вернулся в свой пустой храм поздно вечером. Осенний ветер бился в высокие окна, заставляя пламя лампад перед иконами тревожно метаться. Он подошел к аналою, на котором лежал распечатанный лист с текстом молитвы.

Он думал о том, что значит быть священником в эпоху, когда слова теряют свой изначальный смысл. Когда «мир» объявляется слабостью, а «победа» любой ценой — высшей добродетелью. Он вспоминал лица своих прихожан: уставших женщин, растерянных мужчин, детей, которые только начинают познавать мир. Чему он должен их учить? Тому, что Бог — это главнокомандующий, распределяющий победы на поле боя? Или тому, что Бог — это любовь, распятая на кресте за грехи всего мира?

Иоанн знал историю. Он знал, что происходит с церковью, когда она сливается с авторитарным государством, приобретая черты закрытой корпорации. Ее учение неизбежно приспособляется для оправдания этого союза. Организация начинает управляться по законам тоталитаризма: слепое послушание лидеру, подавление инакомыслия, круговая порука.

«Молитва о Святой Руси» не была досадной ошибкой или неудачно сформулированным заявлением. Для Иоанна, Александра, Владимира и сотен других священников по всей стране она стала зримым, осязаемым доказательством

глубочайшего духовного кризиса институции. Это был официальный документ, формально зафиксировавший отказ от пророческой миссии ради обслуживания политической системы.

Иоанн достал из кармана подрясника простую шариковую ручку. Он посмотрел на алтарь, на лик Спасителя, смотрящий на него с иконы в тусклом свете. В храме было тихо, только потрескивал воск догорающих свечей.

Он склонился над бумагой. Его рука дрожала. Он аккуратно, ровной линией зачеркнул слово «победу» в фразе «подаждь нам силою Твоею победу». А сверху, на полях официального бланка, четкими печатными буквами вывел одно короткое слово.

«Мир».

Он знал, что завтра утром, во время Божественной Литургии, он произнесет это слово вслух. Он знал, что в храме обязательно найдется тот, кто услышит эту замену. Тот, кто после службы достанет телефон и напишет короткое сообщение благочинному. Он понимал, что этот росчерк пера — приговор его спокойной жизни, его служению в этом храме, возможно, самому его сану.

Но в этот момент, стоя в полумраке алтаря перед исправленным текстом, отец Иоанн впервые за долгие недели почувствовал, как тяжесть, давившая на грудь, отступает. Он сделал свой выбор. Механизм был запущен, и шестеренки огромной, безжалостной системы уже начали свой поворот, готовясь перемолоть тех, кто осмелился вспомнить о Евангелии. Утренний свет, который скоро должен был пробиться сквозь витражи, обещал осветить совершенно новую, пугающую реальность, в которой слово о мире стало самым опасным преступлением.

Глава 2. Эхо Ветхого Завета

Тяжелые дубовые полки в кабинете протоиерея Александра прогибались под тяжестью тысячелетней человеческой мысли. Здесь, в тишине, нарушаемой лишь приглушенным гулом большого города за окном, соседствовали творения отцов церкви, философские трактаты, исторические монографии и пухлые тома энциклопедий. Для

Александра эта библиотека всегда была не просто собранием текстов, а живым пространством диалога с вечностью. Но в последние месяцы этот диалог превратился в мучительный внутренний монолог, полный неразрешимых противоречий.

На его массивном письменном столе, освещенном мягким светом настольной лампы с зеленым абажуром, лежала раскрытая Библия. Страницы Нового Завета, затертые на краях от многолетнего использования, казались сейчас какими-то беззащитными. Александр смотрел на текст Евангелия от Матфея, на те самые строки, которые веками формировали нравственный хребет христианской цивилизации.

Суть и основа православного учения всегда базировалась на Новом Завете, где особое, центральное место занимает Нагорная проповедь Христа. Это был не просто свод моральных рекомендаций, это был манифест нового, мессианского Царства, в котором привычные мирские ценности оказались радикально перевернуты. Спаситель провозглашал блаженными не сильных, не завоевателей и не победителей, а смиренных, милостивых и миротворцев. Он противопоставлял древним законам возмездия новые заветы абсолютной любви и ненасилия.

Александр медленно провел пальцем по строкам пятой главы: «21 Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. 22 А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; 23 Итак, если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, 24 оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой».

В то далекое время еврейский народ ориентировался на закон Моисеев, изложенный в текстах Ветхого Завета. Тот древний закон следовал суровому строю общества, в котором критическое значение имело урегулирование общественных взаимоотношений и физическое выживание племени во враждебном окружении. Ветхозаветная этика опиралась на аспекты воздаяния, возмездия, силы, жесткой власти и иерархии. Эти принципы нередко превалировали над ценностью отдельной человеческой жизни, подчиняя ее интересам коллективного выживания.

Христос же ломал эту парадигму. Александр перевел взгляд чуть ниже: «38 Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. 39 А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую».

И, наконец, кульминация этого теологического переворота, открывшая путь спасения каждому человеку вне зависимости от его национальной, государственной или этнической принадлежности: «43 Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. 44 А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. 45 да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных».

Эти слова были ясны, прозрачны и не допускали двойных толкований. Они требовали от человека колоссального духовного усилия — преодоления собственной биологической и социальной природы, требующей ответа ударом на удар.

Но то, что протоиерей Александр наблюдал сейчас в официальной риторике своей церкви, было планомерным, систематическим и пугающе хладнокровным демонтажом этого учения. Новый Завет тихо, без официальных заявлений об отмене, задвигался на задний план. Его место на амвонах, в телевизионных проповедях и официальных документах стремительно занимал Ветхий Завет с его пафосом священных войн, карательных походов и безжалостного уничтожения иноплеменников.

Чтобы понять, как стала возможной эта теологическая деградация, Александр обратился к документам недавнего прошлого. Рядом с Библией на его столе лежала тонкая брошюра в серой обложке — «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Этот фундаментальный документ был принят на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года. Тогда, на заре нового тысячелетия, казалось, что церковь формулирует современный, гуманистический подход к сложнейшим вызовам современности.

Особенно пристально Александр изучал Главу VIII, озаглавленную «Война и мир». Написанная за два десятилетия до начала масштабных геополитических потрясений, она сегодня читалась совершенно иначе. На первый взгляд, текст содержал глубокие богословские размышления, которые можно было трактовать как призыв к антивоенному подходу. Война в документе прямо называлась злом, а войны описывались как сопровождающие историю человечества после грехопадения. Церковь брала на себя, казалось бы, жесткие обязательства по миротворчеству.

Александр выделил желтым маркером один из абзацев: «Русская Православная Церковь стремится осуществлять миротворческое служение как в национальном, так и в международном масштабе, стараясь разрешить различные противоречия и привести к согласию народы, этнические группы, правительства, политические силы. Для этого она обращает своё слово к власти имущим и другим влиятельным слоям общества, а также прилагает усилия для организации переговоров враждующих сторон и для оказания помощи страждущим. Церковь также противостоит пропаганде войны и насилия, равно как и различным проявлениям ненависти, способной спровоцировать братоубийственные столкновения».

Звучало безупречно. Но, как историк, Александр знал: дьявол всегда кроется в деталях и оговорках. Отношение к войне в этом документе было неоднозначным и варьировалось от категорического осуждения до открытой поддержки. В тексте выделялись шесть типов войны: гражданская война, агрессивная внешняя война, межэтнический конфликт, справедливая война, война, не соответствующая принципам справедливости, и освободительная война.

Именно в этой классификации были заложены теологические мины замедленного действия, которые сдетонировали спустя двадцать лет. Социальная концепция оставляла широкие лазейки для оправдания насилия.

«Признавая войну злом, Церковь всё же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идёт о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством», — гласил параграф VIII.2.

Далее документ отмечал: «в нынешней системе международных отношений подчас бывает сложно отличить агрессивную войну от оборонительной». Эта фраза подчеркивала сложность нравственной оценки конкретных конфликтов, оставляя пространство для различных трактовок.

Но самым поразительным для Александра было то, как концепция описывала условия так называемой «справедливой войны». Важным критерием справедливости предлагалось считать «нравственное состояние воюющих», включая методы ведения войны и отношение к мирному населению противника. Если следовать букве этого документа, то после разрушения гражданской инфраструктуры соседнего государства, после появления свидетельств о жестоком обращении с пленными и откровенной

пропаганды ненависти на федеральных каналах, церковь могла бы дать нравственную оценку происходящему, поскольку методы ведения боевых действий явно противоречили задекларированным идеалам.

Однако этого не произошло. Вместо осуждения включился другой механизм, заложенный в той же Социальной концепции — концепт «освободительной войны». Если конфликт интерпретируется государством, как освободительный, то к нему уже не предъявляются строгие критерии справедливости. Напротив, участие в нем прямо благословляется и возводится в ранг святой обязанности.

Александр перечитывал строки, в которых формировалась идея воинского подвига как формы служения Отечеству. Документ приводил историческую цитату: отказ защищать Отечество может означать «жизнь преступником или рабом», тогда как смерть «за честь веры и за свободу Отечества» описывалась как путь к «жизни и венцу на небесах». В обоснование этой идеи авторы концепции приводили историческую агиографическую традицию о христианских воинах, где говорилось:

«Наши христолюбивые воины с оружием в руках охраняют Святую Церковь, охраняют государя, в священной особе коего почитают образ власти Царя Небесного, охраняют отечество, с разрушением коего неминуемо падёт отечественная власть и поколеблется вера евангельская. Вот драгоценные залогов, за которые до последней капли крови должны сражаться воины, и, если они на поле брани положат души свои, Церковь причисляет их к лику святых мучеников и нарицает молитвенниками пред Богом».

Протоиерей откинулся на спинку кресла и потер уставшие глаза. Вот оно. Зерно, брошенное в почву в 2000 году. Идея о том, что защита государства и его правителя тождественна защите самой веры евангельской. Эта подмена понятий превращала универсальную Церковь Христову в национальный идеологический департамент, а солдат регулярной армии — в святых мучеников, независимо от того, какие приказы они выполняли.

Плоды этой теологической эволюции созрели осенью 2022 года. 25 сентября, в день, когда по всем епархиям рассылались циркуляры с новыми обязательными молитвами, Патриарх Московский Кирилл произнес проповедь в Александро-Невском скиту. Эта речь стала рубиконом, после которого возврат к евангельской риторике стал невозможен.

Александр открыл на ноутбуке расшифровку этой проповеди. Слова предстоятеля звучали не как наставление духовного лидера, а как речь политрука, облеченная в религиозную форму. Патриарх заявил:

«Церковь осознаёт, что если кто-то, движимый чувством долга, необходимостью исполнить присягу, остаётся верным своему призванию и погибает при исполнении воинского долга, то он, несомненно, совершает деяние, равносильное жертве. Он себя приносит в жертву за других. И потому верим, что эта жертва смывает все грехи, которые человек совершил».

Для любого человека, имеющего хотя бы базовое богословское образование, эти слова звучали как откровенная ересь. В христианской догматике существует только одна Жертва, способная смыть человеческие грехи — крестная смерть Иисуса Христа. Прощение грехов даруется через искреннее личное покаяние, изменение ума (метанойю) и участие в таинствах. Утверждение о том, что смерть на поле боя при исполнении приказа земного командира может рассматриваться как жертва, «смывающая грехи», для многих богословов выглядело радикальным переосмыслением традиционного учения о спасении.

Это был уже не просто сдвиг акцентов. В глазах критиков это выглядело как сакрализация конфликта. Высшее руководство церкви фактически связывало гибель на войне с духовным подвигом, что многими воспринималось как обещание особой духовной награды тем, кто отдаёт жизнь, исполняя воинский долг.

В этот момент евангельский Христос с Его Нагорной проповедью стал для официальной идеологии трудным богословским ориентиром. Его призывы любить врагов и подставлять щеку диссонировали с ревом танковых двигателей и сводками с фронта. Поэтому риторика высшего духовенства и аффилированных с ним медиа всё чаще обращалась к ветхозаветным и историко-патриотическим образам, которые легче сочетались с логикой военного времени.

В сотнях километров от кабинета Александра, в простом сельском доме, отец Владимир наливал себе горячий чай. Его руки, привыкшие к тяжелому физическому труду на приусадебном участке, слегка дрожали. Час назад от него ушла прихожанка, Мария. Ее единственного сына мобилизовали. Она пришла не за утешением, она пришла с вопросом, от которого у старого священника похолодело внутри.

«Батюшка, — спросила она, глядя сухими, воспаленными глазами, — а если мой Петька там убьет кого-то... Это же грех? В Писании же сказано — не убий. Как ему потом с этим жить? Как мне за него молиться?»

Владимир знал, что должен был ответить ей как священник. Он должен был сказать о покаянии, о том, что война — это всегда трагедия и грязь, что убийство, даже вынужденное, наносит глубокую рану душе, которую придется долго лечить. Но он также знал, что Мария каждый вечер смотрит православный телеканал «Спас» и слушает радио «Радонеж», где ей рассказывают совершенно другое.

Он вспомнил недавний эфир, который случайно услышал в машине. Выступал Евгений Никифоров, директор православной радиостанции «Радонеж», человек, имеющий колоссальное влияние на формирование умов воцерковленной аудитории. Его голос, уверенный и безапелляционный, вещал на всю страну вещи, от которых у Владимира волосы вставали дыбом.

Никифоров обсуждал соседнее государство и людей, живущих там. В его словах не было ни капли христианского сострадания, ни попытки увидеть в противнике образ Божий. Это была чистая, дистиллированная ненависть, упакованная в псевдобогословскую обертку.

«На Украине болезнь так запущена, что уже никакими уговорами, переговорами — ничем это излечить невозможно, — чеканил Никифоров в эфире. — Там возможна только хирургия. Поэтому ответ на эти выступления нацистов может быть одним — “Солнцепёк”. Это нужно выжигать, совершенно... Дескать: “Ой, это не христианский путь!” — христианский вполне. Просто этика для тех людей... они же себя позиционируют, как язычники, простите меня, — и получите как язычники! Поэтому для вас не новозаветная этика, а ветхозаветная, и не пророка, который лично взял и перерезал глотки трёмстам служителям Ваала. И с этими так же нужно — уничтожать без всякого сомнения. Только ветхозаветная этика! И они только этот язык и понимают».

Отец Владимир тогда остановил машину на обочине, не в силах поверить своим ушам. Директор ведущего православного радио открыто, на многомиллионную аудиторию, призывал использовать тяжелые огнеметные системы «Солнцепек», один залп которых уничтожает все живое на площади в сорок тысяч квадратных метров. И он оправдывал это массовое сожжение людей ссылками на Ветхий Завет, на пророка Илию, убивавшего жрецов Ваала.

Это был не просто отказ от Нового Завета. Это была его публичная дискредитация. Новозаветная этика объявлялась неприменимой, слабой, не подходящей для текущих политических задач. Любовь к врагам высмеивалась, как неуместный пацифизм. На ее место водружался культ жестокости, где «хирургия» и «выжигание» объявлялись «вполне христианским путем».

Что Владимир мог сказать матери солдата, когда официальные рупоры церкви призывали «перерезать глотки» и «уничтожать без всякого сомнения»? Как он мог проповедовать о милосердии, когда само понятие милосердия стало восприниматься, как предательство национальных интересов?

Он промолчал тогда. Просто обнял плачущую женщину и сказал, что будет молиться за сохранение души ее сына. Но после ее ухода Владимир долго стоял перед иконами, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Религия, которой он служил всю жизнь, на его глазах превращалась в нечто иное, страшное и чуждое.

Процесс, который наблюдали Александр в городе и Владимир в селе, имел глубокие исторические корни. Практически все крупномасштабные военные кампании в истории человечества сопровождались религиозным подтекстом. Хаос сеяли, вторжения начинались, а людей убивали с полного одобрения духовенства. Благословение священника всегда становилось тем решающим фактором, который заставлял человека заглушить критическое мышление, раздвинуть границы моральных норм и воспринять вопиющее зло, как праведное дело.

Ответственность за собственные действия человек перекладывал на божественную волю, переданную через духовное лицо. Ему говорили: «Такова воля Божья». Его убеждали: «С нами Бог». И с этим ощущением абсолютной правоты он без колебаний исполнял любые приказы. Правила иерархии прописывались в уставах, а совесть откладывалась в сторону.

Но когда все заканчивалось, когда дым рассеивался, а города лежали в руинах, обвинения в преступлениях против человечности никогда не касались тех, кто тихо подталкивал людей переступить грань морали. Священнослужители, благословлявшие пушки и оправдывавшие ненависть ветхозаветными цитатами, всегда оставались неприкосновенны. Они просто меняли риторику, подстраиваясь под новую реальность.

Протоиерей Александр закрыл Социальную концепцию 2000 года. Этот документ, задуманный, как щит против зла, оказался троянским конем, внутри которого в церковь

въехала идеология милитаризма. Эволюция была завершена. От робких оговорок о «вынужденном средстве» система пришла к прямому призыву «выжигать Солнцепеком» и обещаниям автоматического прощения грехов за смерть в бою.

Он снова посмотрел на открытую Библию. В Евангелии от Матфея есть сцена, которая является абсолютным, непреодолимым препятствием для любой попытки сакрализировать войну именем Христа. Это сцена ареста в Гефсиманском саду. Момент наивысшего напряжения, когда на Учителя нападают вооруженные люди, чтобы увести Его на пытки и смерть. Ситуация идеальной, стопроцентной самообороны. Защита не просто ближнего, а Самого воплощенного Бога.

Один из учеников, движимый самым благородным порывом, выхватывает оружие, чтобы защитить Христа. И что делает Спаситель? Благословляет ли Он этот акт справедливого насилия? Называет ли Он ученика святым воином?

Александр прочитал вслух, в пустом кабинете, слова, которые современная церковная пропаганда старалась забыть, стереть, вычеркнуть из памяти верующих:

«Верни свой меч на место, — сказал ему Иисус. — Все, кто берётся за меч, от меча и погибнут», — Евангелие от Матфея 26:52.

Это был не совет. Это был императив. Прямой запрет на использование физического насилия даже ради самой святой, самой праведной цели. Христос ясно показал, что Царство Божие не защищается сталью. Тот, кто берет меч, выпадает из пространства евангельской благодати и подчиняет себя безжалостным законам падшего мира, где насилие порождает только новое насилие.

Но современная церковная номенклатура сделала свой выбор. Она проигнорировала приказ Христа вернуть меч на место. Вместо этого она этот меч освятила, украсила религиозной символикой и вложила в руки паствы, убеждая людей, что именно этого требует от них Бог.

Александр подошел к окну. На улице темнело. Зажигались фонари, в свете которых кружились первые осенние листья. Город жил своей жизнью, не подозревая о том, какая теологическая катастрофа разворачивается за стенами храмов. Люди по привычке шли в церкви, ставили свечи, крестились на купола, веря, что обращаются к Богу любви и милосердия. Они не замечали, как под сводами храмов все громче звучит эхо древних, жестоких времен. Эхо Ветхого Завета, призывающее к крови и пеплу, заглушающее

тихий голос Того, Кто добровольно взошел на крест, чтобы остановить бесконечное колесо человеческой ненависти.

В тишине кабинета остался висеть невысказанный, но самый страшный вопрос: если церковь отвергла этику Христа ради этики пророка, перерезающего глотки жрецам, то кому на самом деле теперь возносятся молитвы перед золочеными алтарями? И как зовут того бога, который требует человеческих жертвоприношений в обмен на прощение грехов?

Глава 3. Те, кто строит ненависть

Папка из плотного серого картона лежала на столе отца Иоанна, резко контрастируя с привычными богослужебными книгами и стопками поминальных записок. На обложке не было ни креста, ни традиционного церковного орнамента — только строгая аббревиатура «РАЦИРС» и гриф «Для служебного пользования в епархиальных управлениях». Внутри находились десятки страниц убористого текста: списки имен, названия организаций, выдержки из проповедей, адреса и подробные инструкции по выявлению «деструктивных элементов».

Молодой священник перелистывал страницы, чувствуя, как по спине ползет липкий холодок. Язык, которым был написан этот документ, не имел ничего общего с пастырским попечением или богословием. Это был сухой, безжалостный язык оперативной сводки. Люди в этих списках не назывались заблудшими овцами или братьями, нуждающимися в духовном совете. Они классифицировались как «угроза», «агенты влияния», «психокультисты» и «экстремисты».

Тотальная трансформация церковного сознания, с которой столкнулись отец Иоанн, протоиерей Александр и тысячи других искренних верующих, не произошла спонтанно в 2022 году. Любая масштабная катастрофа, будь то социальный раскол или геополитический конфликт, начинается задолго до первых открытых столкновений. Она начинается с тихой, методичной работы со словами и смыслами. Прежде чем общество согласится на применение физической силы по отношению к кому-либо, оно должно

пройти длительную стадию идеологической обработки, в ходе которой будущая жертва лишается человеческих черт.

В Русской Православной Церкви эта подготовка началась три десятилетия назад, когда в 1993 году из США в Россию вернулся Александр Дворкин. Именно этот человек, не имевший на тот момент ни глубокого академического богословского образования, ни опыта пастырского служения, заложил фундамент той системы подавления, которая сегодня диктует свои условия всей церковной вертикали.

Вернувшись в Россию, переживавшую глубокий мировоззренческий кризис после распада Советского Союза, Дворкин основал в 1993 году структуру, первоначально названную Информационно-консультационным центром имени священномученика Ириния, епископа Лионского. Позднее центр получил название Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского. Одним из его наиболее заметных результатов стало распространение в российском церковном и общественном поле термина «тоталитарная секта», который в русском языке обычно связывают с Александром Дворкиным.

Протоиерей Александр, изучая феномен антикультового движения в своей библиотеке, прекрасно понимал лингвистическую и психологическую ловушку этого словосочетания. Термин «тоталитарная секта» не имеет под собой ни строгой научной, ни юридической, ни традиционной теологической базы. Это искусственно сконструированный ярлык, идеальное оружие стигматизации. Как только на группу людей или отдельного человека навешивается этот ярлык, презумпция невиновности перестает действовать. Любая попытка обвиняемого защитить себя трактуется как «сектантская манипуляция», а любые добрые дела организации объявляются «вербовкой» и «сокрытием истинных деструктивных целей».

Дворкин не изобрел эту методологию с нуля. Исторические корни антикультизма уходят в мрачные страницы европейской истории середины XX века. Методы дегуманизации жертв и создания в массовом сознании образа внутреннего врага активно разрабатывались в нацистской Германии, в частности, Апологетическим центром под руководством Вальтера Кюннета. Именно там отрабатывались технологии составления «черных списков» неблагонадежных религиозных групп и налаживалось тесное взаимодействие церковных структур с тайной государственной полицией — гестапо.

После Второй мировой войны эти наработки не исчезли. Они были адаптированы к новым реалиям учеником Кюннета, Фридрихом Вильгельмом Хааком, и его последователем Йоханнесом Огордом, создавшими международную сеть «Диалог-центр». Александр Дворкин, став самым активным учеником этой школы, фактически импортировал нацистскую методологию идеологического контроля в постсоветскую Россию, выбрав Русскую Православную Церковь в качестве идеального, обладающего колоссальным кредитом доверия фасада для своей деятельности.

В 2006 году разрозненные антикультовые инициативы были объединены в мощную централизованную структуру — Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект (РАЦИРС). С этого момента процесс маргинализации неугодных был поставлен на системную основу. РАЦИРС начал функционировать как своеобразная внутренняя инквизиция и аналитический центр одновременно.

Деятельность этой организации развивалась по нескольким четко выверенным направлениям. Первым этапом стало создание образа врага. Через подконтрольные СМИ, публичные лекции и издание массовой литературы Дворкин и его соратники сеяли в обществе панику. Россиянам внушался иррациональный страх: опасные культы повсюду, они охотятся за вашими квартирами, разрушают семьи и работают на западные спецслужбы. Религиозный плюрализм, естественный для любого свободного общества, был объявлен угрозой национальной безопасности.

Вторым этапом стало сращивание антикультовой структуры с государственным репрессивным аппаратом. Представители РАЦИРС начали выступать в роли непререкаемых «экспертов» на судебных процессах. Их заключения, часто не выдерживающие никакой независимой научной критики, ложились в основу обвинительных приговоров.

Самым показательным полигоном для отработки этой системы стало дело «Свидетелей Иеговы». В 2017 году, во многом благодаря многолетней информационной подготовке и прямым экспертным заключениям структур, связанных с Дворкиным, эта организация была признана экстремистской и запрещена на территории России. Последствия оказались катастрофическими: сотни верующих, включая глубоких стариков и женщин, подверглись ночным обыскам, арестам и были отправлены в колонии строгого режима на длительные сроки. Государство, опираясь на идеологическую базу, подготовленную околочерковными структурами,

продемонстрировало готовность применять жесточайшие уголовные наказания исключительно за инакомыслие.

Но репрессивная машина, однажды запущенная и почувствовавшая вкус безнаказанности, никогда не останавливается на внешних целях. Вскоре РАЦИРС обратил свой взор внутрь самой Русской Православной Церкви. Любой священник, чья популярность, независимость суждений или пастырская практика выходили за рамки жестко контролируемого стандарта, рисковал оказаться под ударом.

Отец Иоанн с горечью вспоминал историю протоиерея Владимира Головина, чье имя также фигурировало в аналитических справках антикультистов. Головин был известным и любимым в народе проповедником, чьи слова о духовной жизни находили отклик у тысяч людей. Однако его независимая позиция вызвала раздражение системы. Для его уничтожения РАЦИРС применил классический метод «вины по ассоциации». В подконтрольных медиа деятельность православного священника начали цинично сравнивать с трагедией в Джонстауне — массовым самоубийством членов секты «Храм народов» в джунглях Гайаны.

Эта чудовищная, абсурдная параллель транслировалась многократно, пока в сознании обывателя имя священника не слилось с образом кровавого культа. В результате Головин был лишен сана, а его община разгромлена. Подобной атаке подвергся и педагог Михаил Щетинин, чья новаторская школа была дискредитирована теми же методами: антикультисты намеренно искажали суть его образовательных программ, приписывая им деструктивный характер и вновь используя пугающие ассоциации с тоталитарными культами.

Система не просто уничтожала отдельных людей; она формировала новую, агрессивную среду внутри приходов. Идеологи антикультизма открыто призывали к созданию агентурных сетей из числа самих верующих.

В архивах протоиерея Александра хранилась стенограмма или запись, приписываемая выступлению известного церковного деятеля, протоиерея Дмитрия Смирнова, на конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века», прошедшей в Нижнем Новгороде в 2001 году. Эти слова, сказанные на антисектантской конференции, стали, по мнению Александра, программными для целого поколения новых инквизиторов. Смирнов, обращаясь к залу, говорил:

«Необходимо на каждом приходе создавать молодёжную организацию... создание организаций, где будет спорт, где будет некоторая интрига, где можно будет этих ребят, как разведчиков, посылать в секты, чтобы узнавать адреса, фамилии, фотографии, чтобы там они создавали внутри свои структуры, и можно их, эти секты, взрывать изнутри... чтобы заставить администрацию здания...»

Александр перечитывал эти строки, и ему казалось, что он читает инструкцию для тайной полиции, а не речь христианского пастыря. Евангельский призыв «да любите друг друга» был полностью вытеснен риторикой шпионажа, диверсий и принуждения. Молодых людей, приходящих в церковь за духовным светом, предлагалось использовать как «разведчиков», обучать их сбору компромата, фотографированию оппонентов и внедрению во враждебные структуры с целью их «взрыва изнутри». Слово «убедить» исчезло из лексикона, уступив место глаголу «заставить».

Воспитание целого поколения на таких принципах дало свои страшные плоды. К началу 2020-х годов внутри церкви сформировалась прослойка людей, для которых поиск врагов, написание доносов и участие в травле стали восприниматься как высшая форма религиозного служения. Они были готовы к тому, чтобы масштабировать свою ненависть.

И когда политическая ситуация потребовала идеологического обоснования для глобального конфликта, антикультовая методология оказалась идеальным инструментом. Терминология, годами отрабатывавшаяся на немногочисленных религиозных группах, была мгновенно перенесена на целые народы и государства.

Главным рупором этой новой, чудовищной трансформации стал протоиерей Александр Новопашин — один из ключевых идеологов антикультового движения, вице-президент РАЦИРС и человек, чье влияние на формирование официальной риторики трудно переоценить.

Новопашин не стал утруждать себя сложными богословскими конструкциями. Он взял готовый шаблон дегуманизации и применил его в макромасштабе. В своих публичных выступлениях, тиражируемых церковными и светскими СМИ, он начал использовать лексику, от которой содрогнулся бы любой человек, сохранивший остатки христианской совести.

Оправдывая агрессию и насилие, Новопашин публично назвал жителей соседнего государства «каннибалами». Это было не случайной оговоркой, а целенаправленным

лингвистическим ударом. Назвав миллионы людей людоедами, он вывел их за рамки человеческого рода. К каннибалам неприменимы нормы морали, Женевские конвенции или заповеди милосердия. Их невозможно понять или простить — их можно только уничтожить.

Развивая свою мысль, Новопашин пошел еще дальше, призывая к «хирургическому вмешательству» в отношении целых групп населения. Медицинская терминология в устах идеологов ненависти всегда служила самым надежным прикрытием для массовых репрессий. Когда убийство называется «хирургией», а уничтожение городов — «очищением от опухоли», палач начинает чувствовать себя врачом, спасающим организм.

Эта риторика идеально легла на подготовленную почву. Люди, годами слушавшие лекции Дворкина об угрозе «деструктивных сект», легко поверили в то, что целая страна может быть одной большой тоталитарной сектой, подлежащей принудительному расформированию и «лечению» танковыми клиньями.

Медийную поддержку этому процессу обеспечивала сеть православных средств массовой информации. Особую роль здесь сыграл Евгений Никифоров, директор радиостанции «Радонеж». Как уже отмечалось ранее, его публичные апелляции к ветхозаветной этике и прямые призывы к использованию тяжелых огнеметных систем стали шоком для многих верующих. Но важно понимать не только суть его высказываний, но и ту системную функцию, которую выполняла его медиаплощадка.

Радио «Радонеж» под руководством Никифорова стало одним из заметных ретрансляторов антисектантской повестки, связанной с деятельностью РАЦИРС и близких к ней спикеров. В эфире регулярно звучали голоса «сектоведов», нагнетающих атмосферу осажденной крепости. Никифоров формировал медиасреду, внутри которой жестокость древних эпох подавалась как актуальная норма поведения для современного христианина. В этом эфирном пространстве антисектантская и воинственная риторика соседствовала с трансляциями акафистов, создавая в умах слушателей резкий ценностный диссонанс.

Согласно исследованиям специалистов по информационному воздействию, архитекторы массового сознания способны внедрить нужный деструктивный образ в разум целевой аудитории через цепочку всего из нескольких доверенных источников. Для миллионов православных россиян такими источниками стали их приходские

священники, которые, в свою очередь, получали идеологические установки из циркуляров РАЦИРС, выступлений Новопашина и эфиров Никифорова.

Человек, регулярно потребляющий этот контент, начинает воспринимать навязанную ему ненависть как свое собственное, глубоко выстраданное религиозное чувство. Он искренне верит, что защищает Бога, когда пишет донос на соседа или радуется новостям о разрушенных городах. Церковь, обладающая высочайшим авторитетом в вопросах морали, была использована антикультистами для легитимации самых низменных человеческих инстинктов.

Отец Владимир сидел на старой деревянной скамье возле своего сельского храма. В его руках была свежая епархиальная газета. На первой полосе крупным шрифтом был напечатан отчет о прошедшем в областном центре семинаре по «духовной безопасности». На фотографии в центре президиума сидел представитель РАЦИРС, вещающий в микрофон, а вокруг, с блокнотами в руках, сидели священники его благочиния.

Старый батюшка смотрел на лица своих братьев на газетной бумаге. Многие из них были хорошими, добрыми людьми. Они крестили детей, утешали вдов, строили храмы. Но сейчас, подчиняясь невидимому давлению системы, они послушно записывали инструкции о том, как распознавать врагов и бороться с «каннибалами».

Владимир отложил газету. Вечерний воздух был тих, пахло скошенной травой и остывающей землей. В этой тишине особенно остро ощущалась надвигающаяся катастрофа. Тридцать лет назад в церковную ограду пустили людей, которые под видом защиты чистоты веры принесли с собой методологию гестапо. Они методично, шаг за шагом, вытравливали из православия Христа, заменяя Его культом силы, подозрительности и превосходства.

Они создали списки. Они воспитали молодежь в духе разведчиков-диверсантов. Они научили паству называть других людей недочеловеками и требовать чисток. Они подготовили идеальную инфраструктуру для того, чтобы в нужный момент церковь без единого слова протеста превратилась в идеологический отдел тоталитарного государства, благословляющий любые его преступления.

Ветер шевельнул страницы забытой на скамье газеты. Отец Владимир поднял глаза на купол своего храма, темнеющий на фоне сумеречного неба. Он знал, что списки неблагонадежных уже лежат в кабинетах благочинных. Знал, что механизм выявления

тех, кто отказывается читать новые молитвы и поддерживать риторику ненависти, уже запущен. Идеологическая подготовка была завершена. Наступало время практических действий, время показательных расправ над теми немногими, кто еще осмеливался помнить, о чем на самом деле написано в Евангелии.

Глава 4. Церковный Трибунал

Листок бумаги лежал на массивном столе из мореного дуба, освещенный холодным светом настольной лампы. Обычный тетрадный лист в клетку, исписанный торопливым, угловатым почерком. В тексте не было ни сложных богословских терминов, ни ссылок на каноническое право. Там были лишь дата, время начала Божественной Литургии, имя священника и одно конкретное обвинение: батюшка произнес слово «мир» там, где предписывалось просить о триумфе.

Это был донос. Не первый и далеко не последний в стопке подобных бумаг, ежедневно лежащих на столах епархиальных архиереев по всей стране.

Переход от идеологической подготовки к практическим репрессиям внутри религиозной институции никогда не начинается с громких публичных процессов. Он начинается с легитимизации предательства на низовом уровне. Чтобы система подавления заработала в полную силу, ей необходимы глаза и уши внутри самих общин. Некоторые прихожане, годами стоявшие перед одной чашей для причастия, слушавшие одни и те же проповеди и вместе восстанавливавшие храмы, внезапно превратились в надзирателей друг за другом и за своими пастырями.

Использование анонимных и открытых доносов от некоторых мирян стало главным, официально не декларируемым, но фактически поощряемым поводом для начала епархиальных расследований. Психологическая трансформация паствы, подготовленная годами агрессивной риторики о поиске внутренних врагов, дала свои плоды. Люди, искренне поверившие в то, что любое отклонение от спущенной сверху политической линии является предательством веры, начали воспринимать написание кляуз, как акт высшего религиозного долга.

В епархиальные управления полетели письма. В них скрупулезно фиксировалось все: кто из клириков пропустил обязательную молитву, кто прочитал ее слишком тихо или неразборчиво, кто осмелился заменить слова, кто в своей проповеди упомянул о ценности человеческой жизни по обе стороны фронта. Доносчики прикладывали аудиозаписи, сделанные на мобильные телефоны из-под полы пальто, скриншоты из закрытых приходских чатов, фотографии страниц священников в социальных сетях.

Для части церковно-административного аппарата и связанных с ним лоялистских активистов эти бумаги стали идеальным инструментом. Епископу больше не нужно было брать на себя инициативу в преследовании неугодного клирика, рискуя вызвать недовольство общины. Теперь репрессивные меры подавались как «реакция на справедливое возмущение верующих». Архиерей выступал в роли строгого, но вынужденного реагировать администратора, который просто наводит порядок по просьбам трудящихся.

Статистика запретов в служении за 2022-2023 годы демонстрирует масштаб развернувшейся чистки. По данным независимых исследовательских проектов, отслеживающих судьбы репрессированных клириков, за этот период десятки священнослужителей подверглись различным формам канонических прещений исключительно за отказ поддерживать милитаристскую риторику. Точное число пострадавших установить крайне сложно, так как система предпочитает действовать в тишине. Многих вынуждали писать прошения о отчислении за штат «по состоянию здоровья» или «по семейным обстоятельствам», угрожая в противном случае публичным судом и лишением сана. Других переводили из крупных городских соборов в глухие, вымирающие деревни, лишая средств к существованию и отрывая от духовных чад.

Но для тех, кто отказывался ломаться и уходить тихо, система приготовила особый инструмент — церковный суд.

В современном виде церковный суд Русской Православной Церкви представляет собой структуру, которая функционирует не как независимая инстанция, а как форма канонического оформления уже принятого административного решения. Согласно принятому Положению о церковном суде, в нем отсутствует состязательность сторон. Обвиняемый священник лишен права на независимого адвоката. Судьи назначаются правящим архиереем, который одновременно выступает и в роли инициатора расследования, и в роли инстанции, утверждающей приговор. Это замкнутый круг, в

котором оправдательный вердикт по политически мотивированному делу невозможен по определению.

Самым показательным примером работы этого трибунала стало дело иерея Иоанна Коваля, клирика храма святого апостола Андрея Первозванного в московском районе Люблино.

Отец Иоанн не был политическим активистом. Он не выступал с громкими заявлениями в прессе, не организовывал митингов и не писал открытых писем. Он был обычным приходским священником, многодетным отцом, человеком, чья жизнь была полностью посвящена служению у алтаря. Его «преступление» заключалось ровно в одном слове.

Читая обязательный текст, спущенный из патриархии, он на протяжении нескольких месяцев произносил фразу «Возстани, Боже, в помощь людям Твоим и подаждь нам силою Твоею мир» вместо предписанного слова «победу».

Эта замена была замечена. Один из алтарников, прислуживавших в храме, написал донос. Реакция была молниеносной. 2 февраля 2023 года указом Патриарха Кирилла иерей Иоанн Коваль был запрещен в священнослужении до окончания рассмотрения его дела в дисциплинарной комиссии при Епархиальном совете города Москвы.

Документальный разбор этого процесса обнажает всю глубину теологического и правового кризиса институции. Когда дело дошло до церковного суда, перед судьями встала нетривиальная задача: как канонически обосновать лишение сана за молитву о мире? В двухтысячелетней истории христианства не существовало прецедентов, когда священника извергали бы из сана за то, что он просил Бога прекратить кровопролитие.

Церковное право опирается на свод древних правил — Апостольские правила, постановления Вселенских и Поместных соборов. Традиционно священника могут лишить сана за тяжкие нравственные преступления: убийство, блуд, воровство, клятвопреступление или впадение в ересь. Молитва о мире не подпадала ни под одну из этих категорий в буквальном смысле.

Тогда суд прибег к юридической эквилибристике. В мае 2023 года церковный суд Московской городской епархии признал иерея Иоанна Коваля виновным в нарушении 25-го Апостольского правила.

Текст этого древнего правила гласит: «Епископ, или пресвитер, или диакон, в блудодеянии, или в клятвопреступлении, или в татьбе обличенный, да будет извержен от священного чина».

Судьи проигнорировали блуд и воровство, ухватившись за «клятвопреступление». Логика трибунала строилась следующим образом: при рукоположении священник приносит присягу, в которой обещает беспрекословно повиноваться священноначалию. Патриарх приказал читать конкретный текст. Коваль самовольно изменил в нем одно слово. Следовательно, он нарушил приказ, а значит — нарушил присягу, то есть совершил клятвопреступление.

Этот вердикт стал юридическим оформлением новой реальности. Суд официально постановил, что административный приказ начальства имеет абсолютный приоритет над голосом совести и евангельскими заповедями. Теологическая суть поступка отца Иоанна вообще не рассматривалась. Судей не интересовало, почему он просил о мире. Их не интересовало, что его прошение полностью соответствовало духу Нового Завета. Их интересовал исключительно факт нарушения корпоративной дисциплины.

На заседании суда отцу Иоанну задавали вопросы, которые больше напоминали допрос в органах государственной безопасности, чем пастырскую беседу. От него требовали признать свою неправоту, покаяться в самоуправстве и публично заявить о поддержке официальной линии. Он отказался. Он стоял перед своими обвинителями — людьми в таких же рясах и с такими же крестами на груди — и спокойно отвечал, что его совесть не позволяет ему просить у Бога военной победы, сопряженной с гибелью людей.

Решение суда было единогласным: извержение из священного сана. Человек, посвятивший жизнь церкви, был выброшен на улицу, лишен права носить священнические одежды, благословлять людей и совершать таинства. Его многодетная семья осталась без средств к существованию. Система продемонстрировала всем остальным клирикам: никакая безупречная репутация, никакая искренняя вера не спасут вас, если вы посмеете изменить хотя бы одну букву в идеологическом циркуляре.

Дело Иоанна Ковалья стало прецедентом, открывшим шлюзы для дальнейших расправ. Если молодого, малоизвестного священника можно было уничтожить тихо, то для устрашения всей полноты церкви требовалась показательная казнь фигуры иного масштаба.

Этой фигурой стал протоиерей Алексей Уминский.

Настоятель храма Живоначальной Троицы в Хохлах, Уминский был одним из самых известных и уважаемых священников Москвы. Интеллектуал, автор множества книг, блестящий проповедник, он десятилетиями выстраивал вокруг себя уникальную общину. Его приход был местом, где вера сочеталась с глубоким социальным служением: община активно помогала детским хосписам, поддерживала бездомных, опекала заключенных. Уминский был лицом того православия, которое привлекало в церковь думающую, сомневающуюся интеллигенцию.

Его отстранение и последующее лишение сана стали актом демонстративного устрашения для всей церковной среды. Формальным поводом для запуска репрессивной машины стало интервью, которое протоиерей Алексей дал осенью 2023 года. В нем он, отвечая на вопрос журналиста, посоветовал верующим, чья совесть не принимает милитаристскую риторику, искать храмы, где священники молятся о мире, а не о победе. Он не призывал к бунту, не делал политических заявлений — он лишь реализовал свое право на пастырский совет, пытаясь уберечь людей от глубокого внутреннего раскола.

Этого оказалось достаточно. В начале января 2024 года, в дни, когда православный мир готовился к празднику Рождества Христова, Уминский был внезапно, без предварительного уведомления, запрещен в служении и снят с должности настоятеля храма, который он восстанавливал из руин на протяжении тридцати лет.

Процессуальные особенности церковного суда над протоиереем Алексеем Уминским вошли в историю как пример абсолютного, ничем не прикрытого игнорирования канонического права в угоду политической целесообразности.

Суд был созван с беспрецедентной скоростью. В светском правосудии на подготовку к процессу уходят месяцы; церковный трибунал уложился в несколько дней. Уминского вызывали на заседания трижды. Понимая, что приговор предрешен и суд является лишь фарсом, призванным легитимизировать расправу, священник отказался присутствовать на этом судилище.

Согласно церковным правилам, суд в отсутствие обвиняемого возможен, но каноны требуют тщательного расследования обстоятельств дела. В случае с Уминским никакого расследования не проводилось. Судьи просто констатировали факт его отказа читать установленную молитву.

В защиту протоиерея Алексея поднялась беспрецедентная волна общественной поддержки. Более десяти тысяч человек — прихожане, общественные деятели, врачи хосписов, писатели, благотворители — подписали открытое письмо Патриарху с просьбой отменить решение о запрете в служении. В письме говорилось о колоссальном вкладе Уминского в социальное служение церкви, о тысячах людей, которых он привел к вере, о его безупречной нравственной репутации.

Письмо было проигнорировано. Система, выстроенная на принципах жесткой вертикали и подавления инакомыслия, не воспринимает голос паствы, как аргумент. Для них десять тысяч подписей мирян значили меньше, чем один донос лояльного функционера. Общественная поддержка Уминского, возможно, даже ускорила вынесение приговора, так как продемонстрировала независимость его авторитета от административной структуры, что в тоталитарной парадигме является тягчайшим преступлением.

13 января 2024 года церковный суд города Москвы постановил извергнуть протоиерея Алексея Уминского из священного сана. Юридическое обоснование было тем же, что и в деле Иоанна Коваля — то же самое 25-е Апостольское правило, то же самое обвинение в «клятвопреступлении» за отказ читать текст, противоречащий его христианской совести.

В решении суда не было ни слова о его тридцатилетнем служении. Ни слова о спасенных жизнях, об утешенных умирающих в хосписах, о построенном храме. Вся жизнь человека была перечеркнута одним росчерком пера ради демонстрации абсолютной власти аппарата.

Процессы над Ковалем и Уминским стали вершиной айсберга, видимой частью колоссального механизма зачистки. В тени остались десятки других судеб.

В одной из епархий центральной России старейший клирик, прослуживший у престола сорок лет, был отправлен за штат после того, как на проповеди напомнил слова Христа о том, что взявшие меч от меча и погибнут. Донос на него написал глава местного отделения патриотического движения, присутствовавший на службе.

В сибирской епархии молодой священник был лишен права проповедовать и переведен в отдаленный скит за то, что отказался собирать средства на закупку военного снаряжения, предложив вместо этого направить деньги беженцам. Епархиальный совет

квалифицировал его действия, как «отсутствие патриотической позиции и соблазн для верующих».

В южном регионе настоятель храма был вызван на ковер к архиерею после того, как кто-то из прихожан сообщил, что священник во время исповеди посоветовал мобилизованному юноше стараться не стрелять в людей. Архиерей кричал на священника, обвиняя его в государственной измене, и угрожал передать материалы в Федеральную службу безопасности.

Атмосфера страха, густая и осязаемая, заполнила алтари и ризницы. Священники начали бояться собственных прихожан. Исповедь — таинство, требующее абсолютного доверия и открытости, — превратилась в минное поле. Пастыри стали тщательно подбирать слова, понимая, что любой пришедший к аналою человек может оказаться провокатором, записывающим разговор на диктофон.

Исчезла искренность проповедей. Амвоны, с которых веками звучали слова о милосердии, покаянии и любви, заполнились сухими, казенными формулировками, безопасными цитатами и обязательными политическими штампами. Священнослужители, обремененные многодетными семьями, ипотеками и отсутствием светской профессии, оказались перед страшным выбором: предать свою совесть и сохранить средства к существованию, или остаться верными Евангелию и потерять все.

Церковный суд выполнил свою главную задачу. Он не просто наказал несогласных — он парализовал волю остальных. Он наглядно доказал, что каноническое право больше не защищает клирика. Правила Вселенских соборов, написанные кровью мучеников первых веков христианства, были превращены в кистень, которым бюрократия выбивала покорность из своих подчиненных.

Отец Владимир сидел за кухонным столом в своем старом деревенском доме. Перед ним лежала распечатка из епархиальной рассылки — официальный бюллетень, который теперь регулярно приходил на электронную почту каждого прихода. В разделе «Официальная хроника» сухим канцелярским языком сообщалось об утверждении Патриархом решений церковного суда по делам нескольких клириков.

Среди них были имена людей, которых Владимир знал лично. Людей, с которыми он учился в семинарии, с которыми делил хлеб и молился у одного престола. Теперь напротив их имен стояла короткая, страшная формулировка: «извержен из священного сана».

За окном выл холодный зимний ветер, бросая горсти колючего снега в темное стекло. В доме было тихо, только мерно тикали старые ходики на стене. Владимир смотрел на бумагу, и буквы расплывались перед глазами. Он вспомнил, как тридцать лет назад, принимая сан, он верил, что вступает в братство, объединенное любовью ко Христу. Братство, где старшие опекают младших, где епископ — это любящий отец, готовый положить душу за своих овец.

Он медленно провел огрубевшей рукой по лицу. Бумага на столе казалась тяжелее могильной плиты. Завтра воскресенье. Завтра ему снова предстоит надеть облачение, выйти к своим прихожанам, среди которых, как он теперь знал, есть те, кто внимательно следит за каждым его словом. Ему предстоит открыть служебник, дойти до сугубой ектении и произнести текст, который разрывает его сердце на части.

Владимир аккуратно сложил распечатку вдвое, затем вчетверо, и бросил ее в открытую дверцу топящейся печи. Огонь мгновенно охватил края бумаги, превращая черные буквы приговоров в серый, невесомый пепел. Пламя осветило уставшее лицо старого священника, отразившись в его глазах не светом веры, а отблеском пожара, который уже пожирал стены того дома, которому он служил всю свою жизнь. Он долго смотрел на догорающие угли, слушая, как ветер за окном сливается с глухим, нарастающим гулом надвигающейся пустоты.

Глава 5. Садистократия

Тяжелые дубовые двери епархиального управления всегда казались отцу Владимиру границей между двумя совершенно разными мирами. Там, за порогом, оставался его сельский приход: пахнувший воском и старым деревом храм, который он восстанавливал своими руками из руин бывшего колхозного склада; старушки, приносящие к алтарю свежеиспечённый хлеб; крестины, венчания, тихие исповеди под тусклым светом лампад. Здесь же, в длинных коридорах, устланных коврами дорожками, пахло свежей типографской краской и холодным, осязаемым страхом.

Владимир сидел в приемной правящего архиерея, ожидая вызова. На его коленях лежала потертая кожаная папка с финансовым отчетом прихода. Он смотрел на секретаря — молодого иеромонаха в безупречно выглаженном подряснике, который не отрывал взгляда от монитора компьютера, быстро набирая какой-то текст. В этом кабинете не было места пастырской любви или богословским размышлениям. Здесь работала централизованная административная система. Жесткая, выстроенная по принципу строгой субординации.

Чтобы понять, как стала возможной та легкость, с которой система начала перемалывать судьбы несогласных священнослужителей, необходимо спуститься на базовый, материальный уровень церковного устройства. Идеологическая обработка и агрессивная риторика — это лишь надстройка. Фундаментом же нынешней жесткой церковно-административной вертикали является абсолютная, беспрецедентная в истории православия финансовая и административная зависимость рядового клирика от своего начальства.

Протоиерей Александр, будучи историком церкви, часто размышлял над этим феноменом в тишине своего кабинета. Он скрупулезно изучал документы, которые шаг за шагом лишали священников и мирян любых прав на то, что они создавали десятилетиями.

В начале 2000-х годов, незаметно для широкой общественности, произошла колоссальная бюрократическая революция. Были приняты новые редакции Гражданского Устава РПЦ и типового Устава приходов. Эти документы, написанные сухим юридическим языком, существенно усилили административную вертикаль и зависимость приходской жизни от епархиального начальства.

Александр открывал тексты этих уставов, и каждая строчка звучала как приговор независимости духовенства. Первый пункт типового Устава прихода гласил: «Приход есть религиозное объединение, является первичным структурным подразделением РПЦ». А параграф 4 Гражданского Устава закреплял эту мысль окончательно: «РПЦ есть единое централизованное религиозное объединение, включающее в себя иерархически подчинённые структурные подразделения...».

За этими канцелярскими формулировками скрывалась трагедия тысяч таких священников, как отец Владимир. Согласно новым правилам, приход лишался права собственности на всё. Здания храмов, построенные на пожертвования местных жителей,

земельные участки, богослужебная утварь, иконы и даже деньги на банковских счетах прихода — всё это отныне принадлежало централизованной структуре в лице правящего архиерея.

Священник в такой модели оказывается в положении крайне зависимого администратора и пастыря, которого можно было уволить, перевести в другой регион или лишить средств к существованию одним росчерком пера, без объяснения причин, в порядке церковно-административного решения. Более того, действующий Устав запрещал даже собирать приходской актив — так называемую «десятку» — без официального письменного разрешения епископа. Любая попытка общины самоорганизоваться, обсудить насущные проблемы или защитить своего пастыря от произвола пресекалась на корню как антиуставная деятельность.

Такое перераспределение полномочий создало прочный материальный фундамент для зависимости клирика от церковного начальства. Когда человек знает, что дом, в котором живет его многодетная семья, принадлежит епархии; когда он понимает, что в случае конфликта с начальством он окажется на улице без выходного пособия, без светской профессии и с волчьим билетом — его воля к сопротивлению парализуется. Страх потерять всё становится главным регулятором поведения.

Но материальная зависимость — это лишь инструмент. Гораздо страшнее те психологические механизмы, которые управляют людьми, держащими этот инструмент в своих руках.

Исследуя природу власти в современной церковной номенклатуре, независимые аналитики и психологи все чаще приходят к выводу, что система управления в РПЦ приобрела ярко выраженные черты садистократии — власти, основанной на получении психологического удовольствия от подавления, унижения и контроля над другими людьми.

Отец Иоанн, молодой священник, столкнувшийся с машиной репрессий, долго не мог понять иррациональную жестокость своих гонителей. Почему недостаточно просто отстранить несогласного от служения? Зачем нужны публичные унижения, многочасовые допросы на епархиальных комиссиях, угрозы лишить куска хлеба детей, требования публичного покаяния за то, что человек не совершал?

Ответ кроется в самой психологии тех, кто выстроил эту систему. Архитекторы нового порядка, воспитанные на методологии антикультового движения, привнесли в церковную среду специфический тип мышления.

Специалисты в области психологии девиантного поведения отмечают, что человек с садистскими наклонностями целенаправленно манипулирует другими людьми с помощью страха. Основной мотив таких функционеров — это не просто административный порядок, а маниакальная погоня за властью, контролем над чужим сознанием и удовлетворением своей внутренней потребности в доминировании.

Садист получает извращенное удовольствие от переживаний другими людьми боли, страданий, негативных эмоций или от осознания их полной беспомощности. В светском мире такие люди часто ищут себя в профессиях, где есть легальная возможность применять насилие или жесткий контроль: надзиратели в тюрьмах, следователи, чиновники карательных ведомств. В религиозной же сфере идеальной нишей для них стала структура, прикрывающаяся борьбой за «чистоту веры» и «духовную безопасность».

Для церковного бюрократа-садиста недостаточно простого подчинения священника. Ему не нужен формальный рапорт о выполнении приказа. Ему важен сам процесс разрушения личности.

Самая главная выгода садиста в эксплуатации человека — это ощущение абсолютной власти над ним. Ему необходимо видеть, как ломается внутренний стержень пастыря, как человек, еще вчера говоривший о евангельской свободе, сегодня, глотая слезы унижения, подписывает бумагу, с которой не согласна его совесть. Лишь душевная боль человека, продолжающего в глубине души отстаивать свое стремление к истине, но уже побежденного и раздавленного системой, рождает в таком руководителе прилив энергии и подтверждает его статус вершителя судеб. Он добивается того, чтобы священник почувствовал себя ничтожным, бессильным винтиком, лишенным права на собственное предстояние перед Богом.

Именно эта психологическая деформация руководящего звена объясняет, почему методы контроля сознания, которые десятилетиями приписывались так называемым «тоталитарным сектам», стали повседневной реальностью внутри части самой церковно-административной среды.

Протоиерей Александр однажды провел пугающий эксперимент. Он взял классический труд Александра Дворкина «Сектоведение», ставший настольной книгой для целого поколения епархиальных функционеров, и начал выписывать признаки «тоталитарной секты», применяя их не к маргинальным религиозным группам, а к структуре управления собственной церкви. Результат оказался шокирующим. Система, созданная для борьбы с культами, сама мутировала в гигантский, легализованный государством культ.

Первый признак по Дворкину — нетерпимость к критике, отсутствие внутри организации дискуссии и плюрализма. В описываемой церковно-административной среде любая попытка обсудить решения священноначалия, усомниться в целесообразности политических заявлений или предложить альтернативный богословский взгляд мгновенно клеймится, как «раскольническая деятельность» и «нарушение священнической присяги».

Второй признак — наличие харизматичного авторитарного лидера, чьи слова не подлежат сомнению. Решения Патриарха и узкого круга приближенных к нему лиц приобрели статус непререкаемых догм, стоящих фактически выше евангельских заповедей.

Третий признак — жесткая организация тоталитарного типа с пирамидальной структурой и уровнями секретности. Епархиальные управления превратились в закрытые клубы, где финансовые потоки, кадровые решения и связи с государственными спецслужбами скрыты от рядового духовенства и мирян плотной завесой тайны.

Четвертый признак — наличие идеологии, провозглашающей цели организации благими и оправдывающей любые применяемые методы ради их достижения. Спасение «Святой Руси» и защита «традиционных ценностей» стали универсальным оправданием для репрессий, доносов, лжи в публичном пространстве и поддержки насилия.

И, наконец, пятый, самый разрушительный признак, который Дворкин сам же и сформулировал в своей книге:

«Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства, то все они ставят собственные интересы выше закона. Им всем присуща “двойная мораль” и “двойной стандарт”. Если их члены уверены, что цель, поставленная ими перед собой, “праведна” и “справедлива” (вернее было бы сказать: если их членам приказали считать поставленную перед ними цель “праведной” и “справедливой”. — А. Д.), они не

остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть, ввести человека в заблуждение, прибегнуть к контролированию сознания своих собратьев или, в конце концов, оклеветать должностных лиц и общественных деятелей, оказывающих им сопротивление, и даже физически устранить неугодного им человека (или группу лиц). По существу, мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему руководству».

Читая этот абзац, Александр понимал, что перед ним — идеальное, фотографически точное описание той корпоративной культуры, которая воцарилась в епархиях. Двойная мораль стала нормой. Архиереи, публично проповедующие о нестяжательстве, живут в дворцах и передвигаются на кортежах премиум-класса, в то время как сельские священники вынуждены работать таксистами или грузчиками, чтобы прокормить семьи, отдавая при этом неподъемные финансовые взносы в епархиальную казну.

Но как эта структура расправляется с теми, кто пытается сохранить независимость? Прямое физическое устранение в современных условиях применяется редко. На смену ему пришло устранение социальное, репутационное и каноническое. И главным оружием в этом арсенале стали так называемые «экспертные оценки» и сбор компромата.

Методология, отработанная антикультистами на внешних врагах, была развернута внутри церковной среды. Виталий Питанов, один из видных деятелей антикультового движения и соратник Дворкина, в своих методических материалах открыто инструктировал последователей:

«На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать. Этот метод может в какой-то степени помочь в профилактике в том случае, когда удастся показать, что учение сект поощряет и одобряет такую деятельность её последователей, которая с точки действующего законодательства является криминальной».

Это признание поражает своим цинизмом. «При желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать». Эта фраза стала негласным девизом епархиальных комиссий по дисциплине.

Если священник, подобно отцу Иоанну, отказывается идти на сделку с совестью, против него запускается машина дискредитации. В ход идут любые методы. В приход внедряются лояльные системе люди, чья задача — фиксировать каждое слово проповеди, каждое действие настоятеля. Они ищут малейшие отклонения от богослужебного устава, неточности в финансовой отчетности, неосторожные высказывания в личных беседах.

Если реального компромата нет, его конструируют с помощью «религиоведческих экспертиз». В России сформировался целый пул карманных экспертов, аффилированных с РАЦИРС, готовых написать любое заключение по заказу руководства.

Механизм работы этих экспертов наглядно демонстрируется на примерах их взаимодействия со светскими учреждениями. В закрытых инструкциях антикультистов прямо описываются методы шантажа и манипуляций. Рассматривая тактику давления на руководителей светских организаций, предоставляющих площадки для неугодных групп, они пишут:

«Лучше всего, когда удастся выявить моменты, в которых руководители секты обманули директора ДК, предоставив ему искажённую информацию о себе... при всём уважении к директору, нам придётся сообщить в СМИ и о проведении членами деструктивного культа своей акции, и о факте предупреждения директора и его окончательном решении. Разумеется, последствием подобных решений будет нежелательная огласка, которая скажется на репутации как ДК, так и самого директора».

Это классический рэкет, облеченный в форму заботы о духовной безопасности. Шантаж, запугивание общественным мнением, угроза уничтожения репутации. Точно такие же методы применяются и к непокорным клирикам.

Священнику дают понять: если он не уйдет тихо, если попытается предать огласке свое несогласие с милитаристской линией, против него будет задействован весь арсенал стигматизации. Карманные эксперты напишут заключение о том, что он создал на приходе «деструктивный культ личности», что он применяет к прихожанам «методы психологического контроля», что его община имеет признаки «тоталитарной секты».

В условиях, когда независимая религиоведческая экспертиза в стране фактически уничтожена, а суды (как церковные, так и светские) безоговорочно принимают заключения аффилированных с РАЦИРС специалистов, защититься от таких обвинений невозможно. Ярлык «сектанта» или «раскольника», повешенный на священника, мгновенно превращает его в изгоя. От него отворачиваются коллеги, боящиеся запятнать

свою репутацию связями с «неблагонадежным». Его духовные чада подвергаются давлению и запугиванию.

В некоторых случаях система идет еще дальше, используя методы, пугающе напоминающие практики советского времени. Речь идет о карательной психиатрии. Когда священника невозможно обвинить в финансовых махинациях или канонических нарушениях, его непреклонность и верность евангельским идеалам объявляются признаком психического нездоровья.

Известны случаи, когда епархиальное начальство настоятельно «рекомендовало» неудобным клирикам пройти психиатрическое освидетельствование у «проверенных» врачей. Отказ трактовался, как непослушание, а согласие неминуемо вело к получению диагноза, ставящего крест на дальнейшем служении. Как писал известный советский диссидент Александр Подрабинек: «Карательная медицина — орудие борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе, чем это предписано». В современной церковной реальности этот инструмент вновь обрел свою актуальность, став еще одним рычагом давления.

Формирование такой закрытой корпоративной культуры привело к катастрофическому падению нравственного уровня самого духовенства. Система отрицательного отбора работает безотказно. Искренние, эмпатичные, образованные пастыри, для которых Евангелие является руководством к действию, выдавливаются на обочину церковной жизни. Они становятся маргиналами в собственной церкви.

На их место приходят функционеры нового типа. Это люди с гибкой совестью, готовые транслировать любую спускаемую сверху идеологию. Для них лояльность системе, умение вовремя написать донос на собрата и способность беспрекословно выполнять финансовые планы епархии ценятся неизмеримо выше пастырских качеств.

Среди духовенства чекисты с панагиями хотят видеть бездумных требоисполнителей, поощряющих всевозможные суеверия и магизм, законсервированных на уровне слепого подчинения, но главное — своих беспрекословных рабов. Любая попытка мыслить самостоятельно воспринимается, как бунт.

Отец Владимир сидел в приемной архиерея уже второй час. Секретарь-иеромонах наконец оторвался от монитора, снял телефонную трубку, коротко кивнул и посмотрел на старого священника пустыми, ничего не выражающими глазами.

— Владыка вас ждет. Проходите.

Владимир тяжело поднялся, опираясь на подлокотники кресла. Он взял свою потертую папку. Он знал, зачем его вызвали. На прошлой неделе он отказался передать в епархию списки прихожан, регулярно посещающих его библейский кружок, понимая, что эти списки нужны не для статистики, а для выявления тех, кто задает «неправильные» вопросы о соотношении войны и Евангелия.

Он подошел к массивной двери кабинета. За ней сидел человек, обладающий абсолютной властью над его земной жизнью. Человек, который мог одним приказом забрать у него храм, лишить его семью дома, а его самого — права стоять у престола. Человек, встроенный в жесткую церковно-административную систему, где милосердие воспринималось как слабость, а жесткость — как добродетель управления.

Владимир положил руку на холодную бронзовую ручку двери. В этот момент он отчетливо понял: церковная жизнь, в которую он пришел тридцать лет назад искать Христа, в значительной мере оказалась подчинена административной, дисциплинарной и антикультовой логике. Те, кто сейчас восседал в высоких кабинетах, вели себя не как пастыри, а как надзиратели, построившие тюрьму для человеческого духа, где решетками служили искаженные каноны, а цепями — страх и круговая порука. И теперь ему предстояло шагнуть в камеру к инквизиторам, имея в качестве защиты лишь свою веру, которая по законам этой новой реальности уже была объявлена тягчайшим преступлением.

Глава 6. Тень Четвертого Рейха

Пожелтевшие страницы архивных копий, разложенные на широком столе протоиерея Александра, хранили в себе холодное дыхание эпохи, которую человечество поклялось никогда не повторять. За окном кабинета шумел современный мегаполис, по улицам спешили люди, уверенные в незыблемости своего привычного мира, но здесь, в тишине библиотеки, время свернулось в тугую петлю. Александр переводил взгляд с документов 1930-х годов на свежие распечатки официальных церковных вестников

текущего года. Тексты, разделенные почти столетием, сливались в единый, пугающе монолитный нарратив.

Выход на макро-исторический уровень понимания происходящего требует отказа от иллюзии уникальности текущего момента. Тоталитарные системы не рождаются в одночасье из пустоты; они конструируются по строгим историческим лекалам, где подчинение духовных институтов государственному аппарату является критически важным этапом. Без сакральной санкции, без религиозного оправдания насилия ни одна диктатура не способна мобилизовать массы на глобальный конфликт.

В центре стола лежал документ, известный историкам, как Нюрнбергский документ D-59. Это была директива, подписанная Рейнхардом Гейдрихом, начальником Главного управления имперской безопасности нацистской Германии. Текст, отпечатанный на машинке с характерным готическим шрифтом, устанавливал порядок подавления религиозных обществ, не вписавшихся в новую идеологическую парадигму Рейха. Александр вчитывался в сухие, канцелярские формулировки, за которыми стояли тысячи сломанных судеб:

«... Будут немедленно приняты меры против ... организаций, клубов, объединений и кружков, а также против отдельных лиц... Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка, оборудование, оккультные предметы, письменные принадлежности и любое имеющееся имущество, будут конфискованы; они подлежат роспуску и запрету; одновременно будут проведены обыски в домах ведущих членов кружков, а также у лиц, подозреваемых в хранении подобных материалов. ... Лица, посвящённые в тайные учения и науки... во всех случаях, подлежат аресту... их деятельность запрещается под угрозой самых суровых мер со стороны Государственной полиции. В каждом случае они должны быть отправлены в концлагерь... Эта акция должна быть проведена по всему Рейху ... по возможности между 7:00 и 9:00.»

Точность времени — «между 7:00 и 9:00» — поражала своей обыденной жестокостью. Государственная машина планировала аресты верующих с той же педантичностью, с какой составляла расписание движения пригородных поездов. Но для того, чтобы тайная полиция могла беспрепятственно врывать в дома ранним утром, общество должно было пройти длительную стадию идеологической анестезии.

Граждане должны были твердо усвоить: те, кого увозят в черных автомобилях, больше не являются их соседями, братьями во Христе или просто людьми. Они — угроза нации.

Именно здесь, на этапе подготовки массового сознания, ключевую роль сыграло лояльное духовенство.

В начале 1930-х годов в лоне евангелическо-лютеранской церкви Германии зародилось и стремительно набрало силу движение «Немецких христиан» (Deutsche Christen). Его участники открыто называли себя «Штурмовыми отрядами Христа». Это был беспрецедентный в новейшей истории пример добровольного, восторженного подчинения христианской конфессии радикальной политической диктатуре. Священнослужители, носившие кресты поверх коричневых рубашек, взяли на себя задачу теологического обоснования расовой теории и милитаризма.

Александр открыл сборник документов «СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. 1945-1949». На одной из страниц был приведен текст, ставший манифестом этого теологического грехопадения. В 1934 году профессор богословия Эрнст Бергман опубликовал 25 тезисов «новой германской религии». Протоиерей медленно прочитал вслух ключевые положения этого документа, чувствуя, как каждое слово резонирует с современными речами:

«Еврейский Новый завет не годится для новой Германии. Христос был не евреем, а нордическим мучеником, отправленным на смерть евреями, и воином, призванным спасти мир от еврейского влияния. Адольф Гитлер — новый мессия, посланный на землю, чтобы спасти мир от евреев. Свастика является преемницей меча, как символа германского христианства. Германская земля, кровь, душа, искусство — священные категории германского христианства».

Бергман, формулируя эти тезисы, ставил ультиматум: «Или у нас будет германский бог, или не будет никакого».

Анализ этого исторического прецедента обнажает саму суть концепции политизированной религиозной идеологии, когда вера начинает служить государственному проекту. Движение «Немецких христиан» совершило фундаментальную подмену: универсальная, наднациональная вера была редуцирована до уровня племенного культа. Новый Завет с его призывами к милосердию, любви к врагам и равенству всех перед Богом («нет ни эллина, ни иудея») был признан политически нецелесообразным, слабым и «негодным для новой Германии». На место

евангельского Христа-Искупителя был водружен образ Христа-воина, нордического мстителя.

Священными категориями объявлялись не добродетели духа, а «земля, кровь и нация». Религия превратилась в сакральный фасад для геополитических амбиций государства.

Современные идеологи нетерпимости действуют в точности по этой же матрице. Когда с церковных трибун звучат призывы к очищению общества от «чуждых элементов», когда защита государственных границ приравнивается к защите Царствия Небесного, а соседние народы расчеловечиваются в официальных проповедях — это не случайные оговорки. Это последовательная реализация теологического наследия 1930-х годов.

Особое место в архитектуре этого наследия занимает фигура Вальтера Кюннета — протестантского теолога, антисемита и руководителя Апологетического центра по борьбе с сектами в нацистской Германии. Его деятельность представляет собой идеальный пример того, как академическое богословие может быть поставлено на службу террору.

Кюннет не был маргинальным уличным оратором; он был интеллектуалом, формировавшим концептуальную базу для репрессий. Его Апологетический центр занимался сбором информации о религиозных меньшинствах, свободомыслящих христианах и пацифистах. Собранные данные, тщательно систематизированные и снабженные теологическими обоснованиями их «деструктивности», ложились на столы сотрудников гестапо. Кюннет создал систему, в которой богословская экспертиза стала легальным основанием для отправки людей в концентрационные лагеря.

Но влияние Кюннета не ограничилось периодом Третьего Рейха. Его идеи пережили крах нацистской Германии и продолжили отравлять христианскую мысль десятилетия спустя. В 1975 году, задолго до того, как современные антикультисты начали свою деятельность на постсоветском пространстве, Кюннет в соавторстве с Петером Байерхаусом выпустил книгу, направленную против Всемирного совета церквей.

Александр нашел выдержку из рецензии на этот труд, написанной теологом Х. Беркофом. В ней кристально ясно изложена суть претензий Кюннета к современному христианству:

«В 1975 году в Германии вышла книга „Берлинский экуменический манифест об утопическом видении Всемирного совета церквей“, под редакцией Вальтера Кюннета и Петера Байерхауса. В ней атакуются не только Всемирный совет церквей, но и Всемирная лютеранская федерация, Всемирная студенческая христианская федерация, некоторые римско-католические группы, Немецкий евангелический Кирхентаг, Тэзе и, в какой-то степени, даже Лозаннское движение. Как отмечает Х. Беркоф, основная идея книги заключается в том, что Всемирный совет церквей больше не стремится к проповеди Евангелия во всём мире, а вместо этого занят исключительно социальными и политическими аспектами, гуманизацией и объединением человечества через религиозный плюрализм и синкретизм. „Авторы снова и снова указывают, что с такой программой Всемирный совет церквей движется навстречу Антихристу. Они верят, что последние времена уже близки... и что в решающий час Всемирный совет окажется на стороне врагов Христа“».

В этом тексте заложен краеугольный камень тоталитарной теологии. Гуманизация, объединение человечества, религиозный плюрализм и свобода совести объявляются не просто ошибками, а прямым служением Антихристу. Любая попытка выстроить мирное сосуществование различных культур и конфессий трактуется, как апокалиптическая угроза.

Введение фигуры Антихриста в политический и социальный дискурс является мощнейшим инструментом манипуляции массовым сознанием. Когда оппонент объявляется воплощением абсолютного, метафизического зла, любые переговоры, компромиссы или проявления эмпатии становятся невозможными. С Антихристом не договариваются — его уничтожают.

Протоиерей Александр взял в руки свежую распечатку выступления Патриарха Московского Кирилла. Слова предстоятеля Русской Православной Церкви, произнесенные в условиях разворачивающегося глобального кризиса, звучали, как прямое продолжение идей Вальтера Кюннета. Патриарх заявил:

«Война еще не проиграна. И очень важно, чтобы наша страна, опираясь на духовную, культурную традицию, сформировав свой кодекс нравственных ценностей, была способна возглавить сопротивление — я сейчас невероятное слово скажу — антихристу. Сопротивление пришествию в мир глобального зла».

Сравнение этих двух текстов вызывает глубокую тревогу. риторика борьбы с «антихристом» и «глобальным злом» создает опасную эсхатологическую рамку. Геополитический конфликт, имеющий конкретные земные причины — борьбу за территории, ресурсы и сферы влияния, — искусственно возводится в ранг эсхатологической битвы. Государство наделяется мессианской функцией «удерживающего» (катехона), а его политические и военные противники демонизируются до состояния слуг глобального зла.

Когда политический лидер или церковный иерарх заявляет, что его действия, сопряженные с насилием и гибелью людей, являются «делом божьим» или «сопротивлением антихристу», он снимает с себя и со своих последователей любую моральную ответственность. Заповедь «Не убий» отступает перед величием поставленной сверхзадачи. Кровь, пролитая во имя борьбы с абсолютным злом, объявляется святой.

Для обеспечения бесперебойной работы этой идеологической машины необходима полная синхронизация повесток государственных медиа и официальных церковных ресурсов. В нацистской Германии эту задачу виртуозно решал министр пропаганды Йозеф Геббельс. С 1933 по 1945 год он сосредоточил в своих руках управление прессой, радио и кинематографом, создав единое информационное поле, в котором демагогическая риторика сливалась с псевдорелигиозным пафосом.

Сегодня заметна высокая степень риторической близости между частью официальных церковных медиа и государственными пропагандистскими. Они используют один и тот же понятийный аппарат, транслируют одни и те же новости, формируют одни и те же образы врага.

Документальные свидетельства этой синхронизации обнаруживаются в ежедневной практике. Когда государственные каналы начинают кампанию по дискредитации определенной социальной группы или независимой организации, церковные медиа немедленно подключаются, обеспечивая политическому заказу теологическое обоснование. Светские термины «иностранный агент» или «нежелательная организация» в церковной прессе мгновенно переводятся на язык религиозной вражды, превращаясь в «деструктивный культ», «раскольников» или «пособников антихриста».

Особую роль в этой системе играют структуры, занимающиеся так называемым «исследованием врага». В аннотации к историческому исследованию Стефани Штайнбах «Опознать, захватить, уничтожить: исследование врага в Службе безопасности СС» подробно описывается механизм работы Второго отдела Главного управления имперской безопасности (RSHA).

Руководство СС разработало амбициозную концепцию сбора и оценки информации о внутренних врагах нацистского государства. Аналитические материалы, подготовленные этими «исследователями», служили учебным пособием для гестапо, обеспечивая материальную и идеологическую основу для преследования масонов, евреев, представителей «политических церквей» и либералов. Исследователи вырабатывали стратегии выявления враждебных групп и доводили их до профессионального уровня, выступая в роли советников при проведении карательных операций.

В современной реальности функции Второго отдела RSHA фактически взяли на себя аффилированные с церковью антикультовые центры и экспертные советы. Они проводят ежегодные всеобъемлющие кампании по сбору данных о религиозных меньшинствах и независимых общинах. Они готовят наглядные материалы, читают лекции для сотрудников силовых ведомств, ФСБ и полиции, обучая их распознавать «угрозу». Их аналитические записки становятся основанием для возбуждения уголовных дел, проведения обысков и ликвидации организаций.

Процесс дегуманизации всегда предшествует физическим репрессиям. Прежде чем отправить человека в тюрьму за его убеждения, общество должно согласиться с тем, что этот человек опасен. Риторика очищения общества от «чуждых элементов», звучащая сегодня из уст лояльного духовенства, выполняет ту же функцию, что и статьи в нацистской газете «Der Stürmer». Она приучает паству к мысли, что насилие по отношению к инакомыслящим не просто допустимо, но и богоугодно.

Отец Иоанн, лишенный сана и изгнанный из своего храма, часто размышлял об этой исторической слепоте. Сидя в небольшой съемной квартире на окраине города, он перечитывал письма немецкого духовенства времен Третьего Рейха. Он искал в прошлом ответы на вопросы, которые мучили его в настоящем. Как люди, читающие одно и то же Евангелие, причащающиеся от одной Чаши, могли оказаться по разные стороны нравственной пропасти?

В одном из исторических сборников он нашел текст проповеди немецкого архиепископа Мюнстерского, графа Клеменса фон Галена. В самые темные годы нацистской диктатуры, когда большинство иерархов предпочли безопасное сотрудничество с режимом, этот человек нашел в себе мужество возвысить голос против государственной машины смерти.

Слова фон Галена, произнесенные с кафедры в окружении агентов гестапо, прозвучали сквозь десятилетия, ударив отца Иоанна своей непреходящей, обжигающей актуальностью:

«Горе людям, горе нашему немецкому народу, если святая Божья заповедь: «Не убий!», данная Господом на Синае при громах и молнии, вписанная от начала Богом-Творцом в сердце человека, не только будет нарушаться, но будет нарушаться открыто и безнаказанно!»

Иоанн закрыл книгу. В этих словах заключался окончательный диагноз любой системе, пытающейся построить земное величие на крови. Тень Четвертого Рейха, накрывшая сегодня церковные институты, не имеет географических границ. Это не государство на карте мира. Это состояние умов, в котором страх перед властью оказывается сильнее страха Божьего, а гордыня национальной исключительности вытесняет смирение креста.

Архитекторы этой новой реальности проделали колоссальную работу. Они импортировали нацистскую методологию идеологического контроля, адаптировали ее к современным условиям и внедрили в самую сердцевину религиозной жизни. Они создали тайные ордена влияния, подобные «Дивеевскому братству», где представители политической элиты сливаются с церковной номенклатурой в мистическом экстазе власти, далеко от истинного христианства. Они превратили религию в инструмент обслуживания государственного террора, оправдывая агрессию борьбой с мифическим глобальным злом.

Протоиерей Александр сидел в сгущающихся сумерках своего кабинета. На столе перед ним лежали два документа: директива Рейнхарда Гейдриха и свежий циркуляр епархиального управления, предписывающий усилить контроль за настроениями на приходах. Бумага была разной, шрифты отличались, но дух, исходивший от этих текстов, был абсолютно идентичен. Это был дух системы, которая не терпит свободы, презирает милосердие и требует абсолютного, беспрекословного подчинения.

Александр медленно провел рукой по стопке архивных листов. История не просто повторялась; она возвращалась с пугающей, математической точностью, используя те же механизмы подавления, ту же риторику расчеловечивания и ту же готовность духовных лидеров благословлять катастрофу. В тишине комнаты, нарушаемой лишь отдаленным воем полицейской сирены за окном, оставался висеть тяжелый, неразрешенный вопрос: сколько еще времени пройдет, прежде чем утренние визиты между 7:00 и 9:00 снова станут обыденной нормой для тех, кто осмелился сохранить верность заповедям, а не приказам?

Глава 7. Исповедь Изгнанных

Узкое окно съемной квартиры на окраине Тбилиси выходило на глухую стену соседнего дома. На продавленном диване сидел человек в простой серой рубашке. Еще несколько месяцев назад к нему обращались «отец настоятель», целовали руку, прося благословения, и внимали каждому его слову с амвона большого городского собора в центральной России. Теперь он был просто эмигрантом с временным видом на жительство, чья банковская карта заблокирована, а имя внесено в списки неблагонадежных.

Его история — это не единичный случай, а фрагмент масштабной мозаики человеческих трагедий, развернувшихся в тени золотых куполов. Когда идеологическая машина завершила этап теоретической подготовки и перешла к практическим зачисткам, удар пришелся по самым беззащитным — по тем, кто воспринял Евангелие не как метафору, а как прямое руководство к действию. Священники, отказавшиеся проповедовать ненависть, оказались перед выбором, которого не пожелаешь врагу: предать свою совесть, подвергнуться уголовному или административному давлению или бежать в неизвестность, потеряв все дело своей жизни.

Снижение аналитического градуса позволяет нам увидеть то, что скрывается за сухими строками епархиальных указов о лишении сана. За каждым таким документом стоят разрушенные семьи, сломанные судьбы и глубочайшие психологические травмы. Система, выстроенная на принципах тотального контроля, не ограничивается простым

увольнением несогласного. Она стремится вытеснить его из церковного, социального и профессионального пространства.

Первым этапом этого уничтожения всегда становится публичная стигматизация. Человека, долгие годы служившего духовным авторитетом для сотен людей, в одночасье превращают в изгоя. В ход идут технологии дегуманизации, отработанные годами ранее на религиозных меньшинствах. В региональных средствах массовой информации, тесно сотрудничающих с епархиальными структурами и силовыми ведомствами, начинают появляться заказные материалы.

Один из священнослужителей, прошедший через этот конвейер травли и вынужденный покинуть родину, так описывает механизм социального убийства, примененный к его семье:

«В репортаже были раскрыты домашний адрес семьи, школа их детей, места работы родителей, а также были показаны их фотографии в крупном плане, как будто они были опасными преступниками, разыскиваемыми полицией. На самом деле эта невинная семья, как и другие подобные ей, стала жертвой антикультистов и объектом жестоких публичных преследований со стороны антикультовых агентов в СМИ. В результате они столкнулись с волной общественной ненависти, насмешек и угроз — и всё потому, что они решили любить Бога, а не бояться Его, как часто проповедуют традиционные церкви. И это продолжалось день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем. Никто не заметил, когда именно произошла эта перемена. Их друзья, соседи, коллеги, родственники и даже те, кого они считали друзьями — люди, которые знали их много лет — начали их ненавидеть, презирать или, в лучшем случае, избегать. Чаще всего они нападали на них, издевались, угрожали, оскорбляли и обвиняли в грехах, которых они никогда не совершали. Казалось, что это были те же люди, которых они знали всегда, но теперь ими двигали не личные переживания с этой семьёй, а навязанное кем-то мнение. Они видели в этой семье нечто иное, нечто, выходящее за рамки человеческого подобия и достоинства. Чувства несправедливости, предательства и потери своего места в привычном социальном пространстве были ошеломляющими... Ещё вчера они были полноправными членами общества, а сегодня их больше не считали людьми. Теперь они были изгоями, клеймёнными постыдным ярлыком «сектантов». Хотя они могли бы смириться со своей ролью изгоев, но как быть с детьми? Они не заслуживали такой судьбы. Более того, опыт других преследуемых семей, подобных этой, показывал, что в любой момент служба защиты детей могла постучаться в дверь и

забрать детей. Страх за своих детей стал главной и постоянной заботой родителей. Именно этот страх больше всего ломал несчастных родителей, усиливая невыносимую, затянувшуюся пытку, но в то же время заставляя их держаться как можно дольше. В этой ухудшающейся ситуации будущее стало пугающей неизвестностью, в которой они не могли быть уверены, что смогут защитить своих детей».

Этот всепоглощающий страх за детей становится тем самым рычагом, с помощью которого система окончательно выдавливает неугодных за пределы страны. Священник может быть готов к мученичеству за свои убеждения, он может стоически переносить допросы в епархиальном управлении и угрозы со стороны спецслужб. Но когда репрессивная машина нацеливается на его семью, сопротивление теряет смысл.

Страх перед возможным вмешательством органов опеки и школ становится для многих семей мощным инструментом давления. Личные показания тех, кто успел вырваться из этой ловушки, обнажают леденящую кровь обыденность зла. Верующий человек, чья вина заключается лишь в приверженности евангельским идеалам мира, рассказывает о последних днях перед побегом:

«В Следственном комитете моей супруге намекнули — вероятнее всего, как мы потом подумали, из-за того, что она сама когда-то работала следователем, — что её хотят перевести в обвиняемые. И, возможно, арестуют. Жена у меня тоже Свидетель Иеговы. В это же время в школе дочери зачем-то назначили разговор с психологом и социальным педагогом. Мы посоветовались с друзьями и узнали, что это такой первый шаг для изъятия ребёнка из семьи. В России есть такой сейчас закон: две беседы с социальным педагогом и психологом. Если они принимают решение, что нахождение в семье угрожает ребёнку, то это может способствовать изъятию ребёнка из семьи. Ну естественно, если в семье, по мнению властей, два экстремиста, особо опасных преступника, то ребёнок находится в опасности. Мы поняли, что не можем терять времени. И эти два события послужили последней каплей... У нас надежда была с 2012 года, что в России здравый смысл всё-таки возобладает. Всё-таки Россия — страна, стремящаяся к демократическим ценностям. Страна, стремящаяся в евро-интеграцию, считающая себя мировым лидером. И она сможет разобраться в этом вопросе. Тем более чуть ранее президент Владимир Владимирович Путин сказал о том, что Свидетелей Иеговы преследуют незаконно. Что это полная чушь. Что в этом надо разобраться. Мы ждали, что всё-таки президент России, который имеет авторитет и власть, разберётся. Тем более если у него есть желание разобраться. Мы думали, что ситуация должна

переломиться. Но этого не произошло. Ситуация усугублялась с каждым днём, часом. И мы с женой приняли решение покинуть пределы Российской Федерации. Мы бросили наш дом, машину. Всё, что в доме. И с одним чемоданом приехали искать помощь в другую страну. — Как вам удалось приехать в другую страну, пересечь границу? — Добрые люди помогли. И Бог помог. Просто чудо. Поэтому я единственный до сих пор из находившихся в СИЗО и находящихся в федеральном розыске, кому удалось бежать».

Бегство с одним чемоданом, брошенные дома, разрушенный быт — такова цена сохранения внутренней свободы. Но что происходит с теми, кто остается? Что происходит с приходскими общинами, которые десятилетиями создавались трудами изгнанных пастырей?

Разрушение сложившихся приходских общин после насильственной смены настоятелей — это отдельная, глубоко трагичная глава в новейшей истории церкви. Приход — это не просто здание с куполом. Это живой организм, сложная сеть человеческих взаимоотношений, скрепленная общим духовным опытом, доверием к священнику и совместным участием в таинствах. Когда епархиальное руководство, руководствуясь политическими мотивами, одним росчерком пера убирает любимого настоятеля и присылает на его место лояльного функционера, этот организм начинает стремительно умирать.

Новый настоятель приходит не как духовный отец, а как кризис-менеджер и надзиратель. Его главная задача — зачистить приход от «неблагонадежных» элементов, искоренить память о предшественнике и обеспечить беспрекословное выполнение идеологических циркуляров. В храмах, где еще вчера звучали проповеди о милосердии и помощи ближнему, начинает насаждаться атмосфера подозрительности и страха.

Для контроля над паствой активно используются методы, заимствованные из арсенала спецслужб и антикультовых организаций. Верующие с ужасом обнаруживают, что среди них появляются люди, чья цель — не молитва, а сбор информации. Исследователи репрессивных практик описывают эту технологию предельно четко:

«Распространённая схема и неофициальная практика антикультовых движений — внедрение собственных «агентов» (или, говоря проще, «стукачей») в ряды так называемых «сектантских организаций». Они нелегально собирают информацию: адреса, различные персональные данные о «членах сект», их мировоззрение, сведения об их семьях, родственниках, бизнесе, интимной жизни и так далее. Позже, как правило,

те же самые «стукачи», уже выдавая себя за якобы «бывших членов секты», либо представляют себя «жертвами секты», придумывая для прессы страшные истории о своём пребывании в «секте». Либо они выступают истцами, подавая заявления (доносы) в полицию против членов «секты» или против «сектантской организации» в целом. Они приносят свои выдуманные истории в суд, якобы для защиты нарушенных прав. Иными словами, они делают ровно то же самое, что когда-то делали нацисты».

В реалиях современных православных приходов эти «агенты» внимательно слушают разговоры прихожан после службы, фиксируют, кто не подошел ко кресту после прочтения обязательной милитаристской молитвы, кто выражает сочувствие репрессированному бывшему настоятелю. Собранная информация ложится на стол новому настоятелю, а оттуда отправляется в епархиальное управление или напрямую в органы государственной безопасности.

Столкнувшись с такой профанацией святыни, многие искренние верующие принимают тяжелейшее решение — они уходят из официальных храмов. Для человека, чья жизнь десятилетиями была встроена в литургический ритм, отказ от посещения церкви равносителен добровольному отсечению части собственной души. Но оставаться в стенах, где Евангелие подменено политинформацией, а братская любовь — доношением, становится физически невыносимо.

Так рождается феномен нового «катакомбного» православия. Люди, сохранившие верность христианским идеалам, начинают собираться тайно. В обычных городских квартирах, на тесных кухнях, за закрытыми шторами звучат слова древних молитв. Если среди них есть священник, лишенный сана официальной структурой, но сохранивший благодать в глазах своей паствы, литургия совершается на простом журнальном столике. Если священника нет, миряне сами читают молитвы, поют псалмы и разбирают Священное Писание.

Эти тайные собрания пугающе напоминают первые века христианства, когда верующие прятались от римских гонителей, или мрачные годы советского террора. История совершила полный оборот. Те, кто называет себя официальной церковью, вновь оказались в роли гонителей, опирающихся на мощь государственного аппарата, а истинная вера вновь ушла в подполье, спасаясь от арестов и обысков.

Страх перед разоблачением становится постоянным спутником этих людей. Они знают, что система не прощает независимости. Если их тайные собрания будут

раскрыты, последствия окажутся катастрофическими. Машина подавления не делает различий между конфессиями; методы, применяемые к любым инакомыслящим, отличаются запредельной жестокостью, призванной сломать личность на фундаментальном уровне.

Свидетельства тех, кто прошел через жернова следственных изоляторов за свои религиозные убеждения, раскрывают истинное лицо системы, требующей абсолютной покорности. Это не просто лишение свободы; это целенаправленное, методичное уничтожение человеческого достоинства. Один из узников совести, испытавший на себе всю тяжесть этого пресса, вспоминает:

«Я видел лица людей, которые сидят в тюрьмах, я слышал их разговоры и могу сказать с уверенностью: эта система озлобляет, настраивает против власти. Поощряет становиться ещё более изощрёнными преступниками. Всё начинается с того, что тебя ещё не осудили, а уже начинают перемещать везде в наручниках. Привозят в ИВС, изолятор временного содержания, и как только ты пересекаешь эту дверь изолятора, создаётся впечатление, что ты уже не человек. Ты просто... мне даже сложно подобрать подходящее слово... ты просто существо. У которого нет никаких прав. Которое не может ничего сказать. Не может за себя постоять. Всё начинается с унижительного обыска, когда нужно показать всё, вплоть до того, что язык приподнять, щёки оттянуть. Естественно, в голом виде. И эти унижительные обыски — ты прибываешь в ИВС, тебя увозят оттуда в суд — а там этот же обыск повторяется. Это унижительное отношение сразу же опускает человеческое достоинство. Ты никто и зовут тебя никак... Сначала я даже и не думал, что это пытки. Казалось бы, пытки — это когда человеку под ногти вгоняют иголки, утюгом прижигают. Такого со мной не было. Тем не менее, пытки начались с самого первого дня нахождения в СИЗО. Меня туда привезли и сразу же поместили не в обычную камеру, а в изолятор, где наказывают провинившихся в СИЗО. Это такое полуподвальное помещение, метра полтора на три. Кровать, раковина и унитаз открытый. Тебя круглосуточно снимают две видеокамеры, свет не тушится круглые сутки. Маленькое окошечко — ты даже не видишь, на улице день или ночь. Меня привезли ночью. Утром я понял, в чём будет заключаться первая пытка. Мне в шесть часов утра включили очень громко музыку. Из такого хриплого динамика, который был поставлен в вытяжку. И в моей этой маленькой камерке был такой шум и скрежет от этого динамика, что через час уже у меня голова просто раскалывалась. Мне выключили музыку только в десять вечера. И это продолжалось в течение 10–12 дней, я точно даже

не помню, сколько я провёл в этом изоляторе. Через пару дней меня начали выводить на допросы, который проводил оперативный сотрудник полиции — так они официально называются. Его цель — разговорить человека, убедить, что надо сотрудничать».

Но психологическое давление — это лишь начальный этап. Для тех, кто отказывается «сотрудничать», кто продолжает настаивать на своем праве верить в Бога любви, а не в бога войны, система прибегла к методам, от которых стынет кровь. Когда следователям не удается сломать волю человека бессонницей и унижениями, в дело вступают палачи.

Документальные свидетельства пыток, применяемых к верующим в современной России, не оставляют камня на камне от иллюзий о правовом государстве. Это не эксцессы исполнителей на местах; это отлаженная, профессиональная работа садистов, уверенных в своей абсолютной безнаказанности. Адвокаты, работающие с жертвами репрессий, фиксируют показания, которые невозможно читать без содрогания:

«Пытки проходили в так называемой «дальней комнате». Человека ставили на колени к стене с поднятыми руками, затем надевали целлофановый пакет на голову, обвязывали пакет вокруг шеи скотчем, чтобы ограничить доступ кислорода. Руки за спиной связывали скотчем, затем валили человека на пол, ноги тоже связывали. Затем они били, унижали и кричали на задержанных. Я могу процитировать со слов моих доверителей, что им кричали полицейские: «Ты дашь следователю такие показания! Ты понял?», «Ты больше не будешь ссылаться на 51-ю статью. Ты понял?». До сих пор некоторые не могут говорить об этом без слёз. Один из них рассказал, что он вдохнул пакет в горло и думал, что погибнет. В этот момент человека облили водой и ударили электрошокером. Эти люди извивались от боли. Они говорят, что во время удара электрошокером все внутренности как будто переворачиваются. При этом трое сотрудников сверху продолжают бить и требуют признательные показания. Всё это делалось до момента, когда люди уже начинали окончательно задыхаться. Можно сказать, что эти палачи были очень хорошо организованы, имели достаточно большой опыт в применении пыток. Сами они говорили: «Мы и не таких террористов ломали»».

Именно от этой реальности бегут священники и миряне. Они бегут не от трудностей пастырского служения и не от бедности. Они бегут от машины, которая перемалывает кости и выжигает души, прикрываясь при этом разговорами о духовной безопасности и защите традиционных ценностей.

Психологические последствия для семей репрессированных клириков невозможно измерить сухой статистикой. Жены священников, матушки, традиционно посвящающие свою жизнь поддержке мужей и воспитанию детей, оказываются под колоссальным ударом. Они теряют не только социальный статус и привычный круг общения; они живут в состоянии перманентного, изматывающего ужаса.

Даже после освобождения из следственного изолятора или перевода под домашний арест пытка не заканчивается. Дом превращается в тюрьму, а каждый звук за окном воспринимается как предвестник новой беды. Человек, прошедший через этот ад, описывает состояние своей семьи с пронзительной горечью:

«мы, при каждой остановке машины около нашего дома или при каждом стуке соседних ворот мы просыпались. Потому что был постоянный страх. Страх повторения обыска, страх вернуться в СИЗО, страх вновь разлучиться. <...> Домашний арест — это браслет, который тебе надевают на ногу. Аппарат, который ты подключаешь к сети, и ты не можешь отойти от этого аппарата дальше трёх-четырёх метров. Если отходишь немножко дальше, срабатывает датчик и в УФСИНе фиксируется, что я нарушил домашний арест. — Три-четыре метра — это даже не одна комната? — Естественно. Это было очень сложно, пытаться не нарушить этот запрет. И я понимал, что любое нарушение грозит возвращением в СИЗО, и после того, что я там испытал, я не хотел туда обратно. Домашний арест всё равно был лучше СИЗО хотя бы потому, что я был со своей семьёй. С другими мне не позволялось общаться: только с супругой, ребёнком, мамой. Затем получила разрешение меня проводить моя сестра. Больше ни с кем мне не позволялось общаться. Я находился под постоянной прослушкой, видеонаблюдением, браслет опять-таки... И когда я вышел из тюрьмы, я увидел, как постарела моя супруга. В каком состоянии находится ребёнок — и испытал глубокий шок. Сколько нашей семье было причинено горя — это сложно взвесить, понять, осмыслить, если ты этого не испытываешь и через это не пройдёшь... Когда я сидел, у меня периодически возникала ассоциация со Свидетелями, над которыми издевались во времена фашизма в Германии. Я читал много биографий Свидетелей Иеговы, которые описали пребывание в лагерях. Их тоже морили холодом, жарой, использовали громкую музыку для того, чтобы подавить их сознание, повлиять на них. То есть это то же самое...»

Связь времен и методов очевидна для самих жертв. Тоталитарная система не изобретает ничего нового; она лишь достает из пыльных архивов истории проверенные инструменты подавления и применяет их к новым целям. Вчера это были представители

нетрадиционных конфессий, сегодня — православные священники, осмелившиеся напомнить о Нагорной проповеди.

Но в этой беспросветной картине репрессий, предательств и пыток кроется парадокс, который система не в силах постичь. Лишая священников храмов, сана, родины и имущества, инквизиторы пытаются лишить их голоса и влияния. Они полагают, что человек, выброшенный на обочину жизни, сломается и исчезнет.

Однако происходит обратное. Исповеди изгнанных, звучащие из тесных квартир в эмиграции или из подпольных катакомбных общин, обладают невероятной духовной силой. Эти люди потеряли все внешние атрибуты религиозного благополучия, но сохранили главное — внутреннюю свободу и чистую совесть. Их свидетельство становится живым укором для тех, кто остался служить в золоченых соборах, послушно зачитывая спущенные сверху директивы.

Священник в серой рубашке подошел к узкому окну тбилисской квартиры. На улице начинался дождь, смывая пыль с незнакомых улиц. На небольшом столе позади него лежало старое, затертое Евангелие, чудом вывезенное в том самом единственном чемодане. Он открыл его на закладке, провел пальцем по строкам, которые стоили ему родины и сана, и в тишине пустой комнаты его голос прозвучал не как жалоба побежденного, а как спокойный приговор всем империям, построенным на страхе.

Глава 8. Пробуждение

1 октября 2024 года Парламентская ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию 2567 (2024) «Пропаганда и свобода информации в Европе». В пункте 6 документа Ассамблея заявила, что для авторитарных режимов, таких как Российская Федерация, пропаганда является неотъемлемой частью их войны против демократии, и напомнила о своем прежнем призыве признать, что Русская православная церковь используется кремлёвским режимом как инструмент российского влияния и пропаганды. Кроме того, в пункте 12.6 ПАСЕ прямо рекомендовала государствам признать роль Русской православной церкви как инструмента российской государственной пропаганды и

оценивать участие религиозных институтов, используемых для распространения кремлёвской пропаганды.

Для международного сообщества это стало моментом пробуждения. Десятилетиями европейские институты, правозащитные организации и независимые наблюдатели предпочитали рассматривать происходящее внутри Московского Патриархата, как сугубо внутреннее дело религиозной организации, защищенное принципами свободы совести и невмешательства государства в дела церкви. Однако масштабы репрессий, использование антиэкстремистского законодательства против мирных верующих и открытая милитаризация церковной риторики прорвали плотную завесу безразличия. Мир начал осознавать, что столкнулся не с теологическим спором, а с глобальной угрозой, использующей религию, как идеальное прикрытие.

Но в этом пробуждении крылся один глубокий, пугающий парадокс, который независимым исследователям еще только предстояло вывести на чистую воду. ПАСЕ заявила, что режим использует церковь. Однако детальный анализ международных связей архитекторов нетерпимости показывал иную, гораздо более сложную картину: глобальная антикультовая сеть, пустившая глубокие корни в российской церковной номенклатуре, сама использовала государственные механизмы для реализации своих транснациональных амбиций. И самое поразительное заключалось в том, что эта сеть имела прочную опору в самом сердце демократической Европы.

Долгие годы главным легитимизирующим фасадом для российских идеологов нетерпимости на международной арене служила «Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве» (FECRIS). Штаб-квартира этой организации располагалась не в закрытых кабинетах Лубянки и не в кулуарах Московской Патриархии, а в Париже. В своих официальных уставных документах FECRIS торжественно провозглашала себя нефилофской, нерелигиозной, неполитической и некоммерческой структурой, действующей в строгом соответствии с международными конвенциями о правах человека.

Этот респектабельный европейский статус был критически важен. Когда российские функционеры требовали запрета очередного религиозного меньшинства или оправдывали преследование независимых священников, они всегда могли сослаться на «передовой европейский опыт» и поддержку своих коллег из Франции, Германии или Италии.

Однако за фасадом светской европейской НКО скрывалась структура, чья деятельность прямо противоречила заявленным демократическим идеалам. Взаимодействие между FECRIS и российскими антикультовыми центрами не было просто обменом мнениями; это была тесная, стратегическая координация по продвижению репрессивных практик. Европейская площадка использовалась для легализации методов стигматизации, которые затем в гипертрофированном виде применялись на постсоветском пространстве.

Известный итальянский социолог религии Массимо Интровинье был одним из соавторов масштабного исследования «Sympathy for the Devil: The Anti-Cult Federation FECRIS and Its Support for Russian and Chinese Repression of Religion», опубликованного в 2022 году в *The Journal of CESNUR*. В этом исследовании авторы указывали на конспирологические и антиамериканские мотивы, устойчиво присутствующие в ряде антикультовых нарративов FECRIS. В частности, они отмечали: «Мы находим удивительным, что спустя более 20 лет антикультовые публикации и материалы FECRIS продолжают цитировать книгу, написанную в 1996 году, и статью, опубликованную в 2001 году французским антикультовым журналистом Брюно Фушери, заголовок которой говорит сам за себя: “Секты — троянский конь Соединённых Штатов в Европе”».

Этот нарратив стал идеальным связующим звеном. Европейские антикультисты, прикрываясь защитой светского государства (лаицизма), распространяли конспирологические теории об американских заговорах против европейской идентичности. Российские же идеологи, адаптировав эту риторику, продвигали идею богоизбранности нации, окруженной врагами, где западная демократия объявлялась пособницей ересей. В обеих парадигмах права человека, свобода совести и религиозный плюрализм трактовались, как угроза национальной безопасности.

Связь с Европой была лишь одним из векторов этой глобальной сети. Расследование международных контактов выявило еще более зловещий альянс — на этот раз на Востоке. Федерация FECRIS и ее российские партнеры на протяжении десятилетий активно поддерживали репрессивную политику Китайской Народной Республики.

В то время как на Западе антикультовые группы оставались относительно немногочисленными маргинальными объединениями, в Китае действовала «Китайская ассоциация по борьбе с сектами» (China Anti-Cult Association — CACA). По сути, это

была колоссальная структура, аффилированная с Коммунистической партией Китая, обладающая тысячами отделений во всех провинциях. Ее главной задачей было идеологическое обоснование преследований групп, которые партия клеймила термином «xie jiao» (еретические учения).

Сотрудничество европейских, российских и китайских борцов с инакомыслием достигло своего апогея во время жесточайшей кампании Пекина против движения Фалуньгун. Когда Соединенные Штаты, ООН и ведущие международные правозащитные организации били тревогу, публикуя доклады о массовых арестах, пытках и внесудебных казнях последователей этого учения, китайский режим отчаянно нуждался в международной легитимации своих действий. И эту легитимацию с готовностью предоставили западные и российские антикультисты.

Они выступали на конференциях в Пекине, публиковали статьи, оправдывающие жесткие меры китайских властей, и синхронно транслировали теорию о том, что преследуемые верующие являются инструментом американских спецслужб для подрыва государственного строя. Этот геополитический треугольник — Париж, Москва, Пекин — наглядно продемонстрировал, что для антикультовых идеологов нетерпимости не существует ни идеологических, ни религиозных преград. Православные функционеры, французские секуляристы и китайские коммунисты, с помощью антикультовых нарративов, легко находили общий язык, когда дело касалось подавления свободы совести и оправдания государственного террора.

Но, как эта разветвленная, влиятельная сеть смогла сформироваться и набрать силу в России, стране, которая в начале 1990-х годов искренне стремилась к интеграции в демократическое сообщество? Ответ на этот вопрос кроется в одном из самых горьких исторических парадоксов новейшего времени.

Когда рухнул «железный занавес», западные демократические институты, фонды и правительства направили колоссальные финансовые ресурсы на поддержку зарождающегося гражданского общества в странах бывшего советского блока. Цель была благородной: помочь в создании независимых СМИ, правозащитных организаций, образовательных программ и институтов, защищающих базовые свободы.

Однако исторические данные и финансовые отчеты того времени свидетельствуют о поразительном факте: значительная часть ранних антикультовых инициатив в России, которые впоследствии стали фундаментом для репрессивной государственной машины,

финансировалась за счет зарубежных грантов. В частности, средства поступали по линии Агентства США по международному развитию (USAID) и ряда европейских благотворительных фондов.

В условиях правового вакуума и отсутствия экспертизы начала 90-х годов, грантодатели часто не могли адекватно оценить истинные цели получателей средств. Антикультовые активисты виртуозно маскировали свою деятельность под «социологические исследования», «психологическую помощь пострадавшим», «защиту прав семьи» и «образовательные программы в сфере религиоведения». В заявках на гранты они использовали безупречный демократический новояз, обещая бороться с психологическим насилием и защищать уязвимые слои населения.

На эти западные деньги закупалась оргтехника, арендовались помещения, издавались первые массовые тиражи стигматизирующей литературы, организовывались международные конференции и оплачивались поездки активистов по регионам России. Иностранный капитал позволил создать ту самую инфраструктуру нетерпимости, которая, окрепнув, немедленно развернула свое оружие против своих же спонсоров.

Как только антикультовая сеть интегрировалась в государственную систему и заручилась поддержкой силовых ведомств, риторика кардинально изменилась. Те самые люди, которые годами осваивали западные гранты, внезапно превратились в главных обличителей «тлетворного влияния Запада». Они начали обвинять независимые правозащитные организации, продолжавшие получать иностранное финансирование, в шпионаже и предательстве национальных интересов. Этот циничный маневр позволил им монополизировать сферу государственно-конфессиональных отношений, устранив любых конкурентов руками государства.

Осознание этого факта международным сообществом происходило мучительно медленно. На протяжении многих лет доклады независимых наблюдателей о нарушениях прав верующих в России ложились под сукно. Европейские политики предпочитали вести диалог с официальными представителями Московской Патриархии, воспринимая их как хранителей традиционной культуры, и закрывали глаза на тревожные сигналы, поступающие от правозащитников.

Перелом наступил, когда количество перешло в качество. Использование антиэкстремистского законодательства против мирных верующих приобрело характер конвейерного террора. Международные правозащитные организации — Amnesty

International, Human Rights Watch, профильные комитеты ООН — начали фиксировать сотни уголовных дел, возбужденных исключительно за чтение религиозной литературы, совместные молитвы или отказ брать в руки оружие.

Специальные докладчики ООН по вопросам свободы религии и убеждений выпустили ряд жестких меморандумов, в которых прямо указывалось на недопустимость применения расплывчатых формулировок закона об экстремизме для преследования инакомыслящих. На высоком международном уровне было отмечено, что так называемые «религиоведческие экспертизы», на которых строились обвинительные приговоры, являются псевдонаучными и политически мотивированными.

Мир наконец-то увидел истинное лицо системы. Стало очевидно, что агенты влияния, внедренные в демократические институты под видом независимых экспертов, ведут целенаправленную работу по разрушению правовых основ. Как гласит древний евангельский принцип, оказавшийся универсальным критерием истины в этой сложной геополитической игре: «По плодам их, узнаете их» (Евангелие от Матфея 7:20). Плодами деятельности этой сети стали разрушенные судьбы, пытки в следственных изоляторах, массовая эмиграция и тотальное подавление свободы слова.

Но реакция внешнего мира не ограничилась светскими институтами и правозащитными трибунами. Самый сокрушительный удар по амбициям антикультовых идеологов был нанесен там, где они меньше всего этого ожидали — внутри мирового православного сообщества.

Православная церковь исторически представляет собой семью независимых (автокефальных) поместных церквей, объединенных общей догматикой и, что самое главное, евхаристическим общением. Возможность совместно служить литургию и причащаться от одной Чаши является видимым, мистическим выражением единства мирового православия. Разрыв этого общения — это не просто дипломатический демарш; в теологической системе координат это равносильно духовному землетрясению, признанию другой стороны отпавшей от полноты благодати.

Сближение Московского Патриархата с государственной идеологией и его поддержка официальной политической линии, неминуемо привели к его катастрофической изоляции на международной арене. Процесс распада некогда единого духовного пространства начался в 2018 году, когда Вселенский Патриархат

Константинополя, исторически обладающий первенством чести в православном мире, принял решение о предоставлении автокефалии Православной церкви Украины.

Реакция Москвы была беспрецедентно жесткой. Вместо поиска канонического компромисса или созыва всеправославного совещания, руководство РПЦ в одностороннем порядке полностью разорвало евхаристическое общение с Константинополем. Имя Вселенского Патриарха Варфоломея было вычеркнуто из диптихов (списков предстоятелей, поминаемых за богослужением). Русским верующим под угрозой церковных прещений было строго запрещено причащаться в храмах Константинопольского Патриархата, включая монастыри Святой Горы Афон — тысячелетнего духовного центра православия.

Этот шаг стал точкой невозврата. Московский Патриархат, ослепленный иллюзией собственного величия и опирающийся на мощь государственного аппарата, попытался навязать свою логику всему православному миру, однако результатом стало не укрепление влияния, а дальнейшее углубление раскола и изоляции.

Вслед за Константинополем, новую украинскую церковь признали Элладская (Греческая) православная церковь и Александрийский Патриархат — одна из древнейших христианских кафедр, основанная, по преданию, апостолом Марком. В ответ Москва методично, шаг за шагом, разрывала общение и с ними. Позже к списку «недружественных» церквей добавилась и Кипрская православная церковь.

Изоляция стремительно нарастала. Русская церковь, веками гордившаяся своей принадлежностью к вселенскому христианству, начала превращаться в национально-политически замкнутую церковную систему. Теология изоляционизма, годами культивируемая антикультистами внутри страны, выплеснулась на международную арену. Официальные спикеры Патриархии начали публично обвинять древнейшие патриархаты в ереси, расколе и, по уже отработанной схеме, в служении интересам американских спецслужб.

Но самым вопиющим актом канонической агрессии, окончательно подорвавшим доверие к Москве в христианском мире, стало создание так называемого Патриаршего экзархата Африки.

В ответ на признание Александрийским Патриархом украинской автокефалии, Синод РПЦ принял решение о вторжении на каноническую территорию Александрийской церкви, охватывающую весь Африканский континент. Используя

колоссальные финансовые ресурсы, несопоставимые с бюджетами бедных африканских епархий, эмиссары из Москвы начали массово переманивать местное духовенство. Африканским священникам предлагались стабильные зарплаты, строительство храмов, медицинские страховки и гуманитарная помощь в обмен на переход под омофор Московского Патриарха.

Этот акт церковного империализма вызвал шок у мирового сообщества. Впервые в новейшей истории одна поместная церковь открыто, используя методы финансового подкупа и политического давления, вторглась на территорию другой, пытаясь разрушить ее структуру изнутри. Александрийский Синод лишил сана российских священников, руководивших этой операцией, и обвинил Москву в неоколониализме и попрании священных канонов Вселенских соборов.

Действия РПЦ в Африке стали зеркальным отражением геополитической стратегии российского государства. Церковь действовала не как миссионерский институт, несущий свет Евангелия, а как транснациональная корпорация, захватывающая новые рынки влияния и наказывающая непокорных конкурентов. Духовная миссия была полностью подчинена логике политического возмездия.

Пробуждение внешнего мира оказалось болезненным, но необратимым. Иллюзии рассеялись. Международные правозащитные институты, европейские парламентарии и предстоятели мировых христианских церквей увидели перед собой структуру, которая добровольно отказалась от своего божественного призвания ради обслуживания земной власти.

Связи, выстраиваемые десятилетиями, рушились на глазах. Дипломатические каналы пустели. Представители Московского Патриархата, еще недавно желанные гости на международных межконфессиональных ассамблеях, оказались в вакууме отторжения. Их речи о защите традиционных ценностей все меньше и меньше находили отклика в залах, где лежали доклады о пытках верующих и резолюции, осуждающие пропаганду войны.

В этом и заключалась подлинная трагедия: церковный конфликт, начавшийся как спор о канонах и власти, все явственнее обнаруживал более глубокий разлом — подмену духовного свидетельства политической логикой. Там, где церковь говорит языком возмездия, она перестает быть знаком единства. И чем громче звучит ее внешний голос, тем заметнее становится внутренняя пустота.

Заключение: Вердикт

В марте 2022 года была опубликована Декларация об учении «Русского мира» — один из самых заметных международных богословских документов, появившихся в православной среде после начала полномасштабной войны против Украины. Текст, опубликованный, в частности, Волосской академией богословских исследований, подписали сотни православных богословов, исследователей, клириков и мирян из разных стран. Написанный строгим академическим языком, документ квалифицировал идеологию «русского мира» не как допустимую политико-культурную интерпретацию, а как ересь и ложное учение, несовместимое с православным преданием. Именно эта богословская точность сделала его обвинение особенно весомым.

В православной традиции ересь — это не просто дисциплинарный проступок и не административная ошибка. Речь идет о таком искажении христианской истины, при котором подмена затрагивает сам способ понимания Бога, Церкви, человека и истории. Именно поэтому авторы Декларации об учении «Русского мира» говорили не о частном злоупотреблении или неудачной политической риторике, а о ложном учении, несовместимом с православным преданием. Их вывод состоял в том, что под видом защиты веры и цивилизационной идентичности была предложена богословская конструкция, сакрализующая государственную мощь, национальную исключительность и войну.

Богословский анализ, представленный в Декларации, с редкой точностью вскрыл суть этой подмены. Иерархия, призванная свидетельствовать о Царстве Божием, которое «не от мира сего», оказалась вовлечена в оправдание земной имперской логики. Евангельский универсализм, утверждающий, что во Христе нет ни эллина, ни иудея, был принесен в жертву этнофилетизму — осужденному православной традицией смешению церковной истины с племенной, национальной или государственной исключительностью. Вместо Церкви как пространства всеобщего спасения миру была предложена модель сакральной лояльности, где духовное единство подменяется цивилизационной мобилизацией.

Такое богословское осуждение переводит проблему из плоскости политических разногласий в плоскость вероучительного кризиса. Когда церковные голоса начинают представлять войну как метафизическое противостояние добра и зла, а смерть на поле боя — как путь особого религиозного оправдания, речь идет уже не просто о спорной общественной позиции. Речь идет о глубокой деформации христианского свидетельства. В этом случае верующим предлагается не Христос, открывающий путь через жертву любви и милосердия, а идеологизированный образ сакральной силы, благословляющей насилие во имя исторического величия.

Именно поэтому богословы, подписавшие Декларацию, рассматривали учение «Русского мира» не как второстепенную политическую надстройку, а как опасную попытку подменить православное понимание Церкви, миссии и спасения языком национального мессианства, исторической исключительности и священной войны. И этот диагноз особенно убедителен потому, что подтверждается не только в теоретических формулировках, но и в самой практике церковного оправдания насилия.

На протяжении последних десятилетий официальные рупоры Московской Патриархии непрерывно рапортовали о небывалом «духовном возрождении». С высоких трибун озвучивались впечатляющие цифры: десятки тысяч новых приходов, сотни открытых монастырей, программа строительства «храмов шаговой доступности» в мегаполисах. Государство и аффилированные с ним корпорации вливали колоссальные финансовые ресурсы в возведение монументальных культовых сооружений. Апофеозом этого архитектурного триумфа стало освящение в 2020 году Главного храма Вооруженных сил России в парке «Патриот» под Кубинкой — колоссального собора оливково-зеленого оттенка, в отделке которого использован металл, полученный из переплавленного трофейного оружия и техники вермахта, а витражные мозаики украшены изображениями военных орденов.

Однако за этим фасадом из золота, бетона и оружейной стали скрывается зияющая демографическая пустота. Социологические данные, собираемые независимыми исследовательскими центрами и даже официальными государственными ведомствами, демонстрируют катастрофическое расхождение между победными реляциями о «возрождении» и реальным числом активных верующих.

Согласно многолетним мониторингам, доля россиян, называющих себя православными, действительно высока и колеблется в пределах шестидесяти-

семидесяти процентов. Но эта цифра отражает лишь культурную и национальную самоидентификацию. Когда же исследователи задают вопросы о реальной религиозной практике — регулярном посещении богослужений, участии в таинствах исповеди и причастия, чтении Священного Писания — картина меняется радикально.

Доля так называемых воцерковленных людей, то есть тех, для кого вера является реальным руководством в жизни, неуклонно падает, опустившись до статистической погрешности в полтора-два процента от общего населения страны. Ежегодные сводки Министерства внутренних дел о количестве граждан, посетивших храмы в пасхальную ночь — главный христианский праздник, — бесстрастно фиксируют эту убыль. Несмотря на тысячи новых построенных церквей, число пришедших на ночную службу людей с каждым годом сокращается, обнажая иллюзорность официального нарратива.

Новые, с иголки храмы в спальных районах стоят полупустыми. Сельские приходы выживают исключительно за счет горстки пожилых женщин. Интеллигенция, массово пришедшая в церковь в начале девяностых годов в поисках нравственного ориентира и свободы, сегодня так же массово покидает ее ограду, не в силах выносить фальшь и милитаристскую пропаганду, звучащую с амвонов.

Это статистическое падение — не просто результат секуляризации общества по западному образцу. Во многом оно стало следствием кризиса доверия, вызванного деятельностью тех церковных и окологосударственных структур, которые подменили пастырское служение языком идеологического контроля и политической лояльности. Люди уходят не от Бога и не от веры как таковой; они дистанцируются от системы представительства, в которой духовный авторитет всё чаще оказывается заслонён административным ресурсом и антикультовой риторикой. Когда высокопоставленный церковный представитель появляется в сопровождении охраны, а затем призывает других терпеть лишения ради государственных интересов, это воспринимается как болезненный разрыв между проповедью и жизнью.

Подмена духовных основ политическими амбициями с помощью антикультовых нарративов породила кризис, последствия которого выходят далеко за рамки текущего десятилетия. Самый страшный, непоправимый урон нанесен будущему. Речь идет о долгосрочной дискредитации самого христианского послания для целых поколений на постсоветском пространстве.

Молодое поколение, выросшее в эпоху интернета и глобальной прозрачности информации, обладает обостренным чувством справедливости и нетерпимостью к лицемерию. Для них церковь сегодня ассоциируется не с милосердием, не с защитой слабых и не с поиском высшего смысла. Благодаря деятельности антикультовой сети в восприятии молодого поколения человек в рясе слился в единый образ с чиновником, цензором и сотрудником силовых ведомств.

Когда подросток открывает Евангелие и читает «Блаженны миротворцы», а затем открывает новостную ленту и видит, как духовный лидер оправдывает применение тяжелого вооружения против соседнего народа, в его сознании происходит необратимый слом. Христианство начинает восприниматься как лицемерная идеология обслуживания власти, как инструмент подавления свободы и оправдания жестокости.

Трагедия заключается в том, что этот стигмат останется на теле православия на десятилетия. Исторический опыт показывает, что восстановить разрушенное доверие к религии неизмеримо сложнее, чем отстроить разрушенные стены храмов. После падения коммунистического режима в 1991 году у церкви был уникальный, исторический шанс стать совестью нации, независимым арбитром, защитником униженных и оскорбленных. Общество выдало ей колоссальный кредит доверия, видя в ней жертву советских репрессий.

Этот моральный кредит доверия оказался во многом растрочен теми церковными функционерами и связанными с ними представителями государственных структур, которые предпочли союз с административной силой пастырской и пророческой независимости. Вместо того чтобы защищать уязвимых и говорить от лица тех, кого лишали голоса, они все чаще встраивались в систему обмена лояльности на ресурсы, влияние и институциональные привилегии. В результате в общественном восприятии православный язык и символы стали для многих ассоциироваться не с евангельской свободой, а с авторитарной риторикой, нетерпимостью и оправданием насилия. Чтобы преодолеть последствия этой подмены, потребуются долгие усилия честных пастырей, богословов и мирян, которым придется заново свидетельствовать, что христианское благовестие не тождественно ни идеологическому контролю, ни культу власти, ни антикультовой практике исключения и подавления.

Анализ текущего состояния институции неизбежно подводит к пониманию исторической закономерности, которая не знает исключений. Религиозные структуры,

выбравшие путь полного слияния с аппаратом государственного насилия, всегда, при любых обстоятельствах, разделяют судьбу этого аппарата.

История христианства изобилует примерами того, как попытки опереться на меч кесаря приводили к катастрофе. Самый яркий и болезненный урок преподала сама российская история чуть более ста лет назад. В синодальный период Российской империи церковь была фактически превращена в «ведомство православного исповедания». Священники были обязаны нарушать тайну исповеди, если узнавали о государственных преступлениях. Епископы назначались светской властью. Церковь обладала колоссальными богатствами, монополией на образование и абсолютной поддержкой полицейского аппарата.

Казалось, это здание незыблемо. Но когда в 1917 году рухнула империя, вместе с ней в одночасье рухнула и церковная структура. Лишенная государственной подпорки, она оказалась колоссом на глиняных ногах. Народ, который веками принуждали к обязательному причастию справками для поступления на службу, с пугающей легкостью отвернулся от своих пастырей, а во многих случаях сам принял участие в разрушении святынь. Причина была проста: церковь воспринималась не как духовная мать, а как часть угнетающего государственного аппарата. Современная иерархия, ослепленная антикультовой иллюзией собственного могущества, с поразительной точностью повторяет этот самоубийственный путь, но в гораздо более циничной форме.

Высшее руководство добровольно отказалось от автономии. Оно позволило превратить амвоны в площадки для политинформации. Оно согласилось на роль идеологического департамента, чья единственная функция — обеспечивать сакральную санкцию на любые, даже самые антигуманные действия светской власти. В обмен на это иерархи получили неприкосновенность, роскошь и право безнаказанно расправляться с инакомыслящими внутри своей структуры.

Но законы истории неумолимы. Любой авторитарный режим конечен. Он может существовать десятилетиями, опираясь на страх, пропаганду и распределение ресурсов, но рано или поздно он исчерпывает свой внутренний потенциал и обрушивается под тяжестью собственных неразрешимых противоречий. И когда этот момент наступает, все институты, которые обслуживали режим и легитимизировали его преступления, оказываются под обломками.

Для религиозной организации этот крах всегда оказывается более разрушительным, чем для светских министерств. Светский чиновник может оправдаться тем, что просто выполнял приказ. Священнослужитель, благословлявший насилие именем Бога, лишается права на такое оправдание. Его предательство носит метафизический характер.

Когда государственная машина, обеспечивающая сегодня защиту и финансирование церковной номенклатуры, даст сбой, институция столкнется с вакуумом, который невозможно будет заполнить. У нее не останется ни морального авторитета, ни поддержки общества, ни независимого голоса. Те самые люди, которые сегодня послушно пишут доносы на своих собратьев и зачитывают спущенные сверху циркуляры, окажутся один на один с паствой, которая прекрасно помнит каждое их слово и каждое их молчание.

Подмена Евангелия идеологией нетерпимости — это не просто временное отклонение от курса. Это системный сбой, приведший к мутации самого религиозного сознания. Антикультовые архитекторы этой мутации полагали, что смогут использовать религию, как удобный инструмент для управления массами, как цемент для скрепления распадающейся империи. Они создали идеальную, с их точки зрения, структуру: жестко централизованную, абсолютно лояльную, готовую оправдать любую жестокость ссылками на ветхозаветных пророков и геополитическую целесообразность.

Они учли все: финансовые потоки, административный контроль, взаимодействие со спецслужбами, подавление независимых голосов. Они выстроили систему, в которой карьера священника зависит исключительно от его способности угождать начальству и транслировать официальную повестку. Они научились виртуозно использовать юридические механизмы для уничтожения тех, кто осмеливается напоминать о совести.

Но в своих расчетах они упустили одну деталь, которая делает весь их колоссальный труд бессмысленным. Они забыли о природе Того, чьим именем они прикрываются.

Христианство пережило Римскую империю, пережило Византию, пережило тоталитарные режимы двадцатого века не потому, что умело приспосабливаться к власти. Оно выжило благодаря тем немногим, кто в самые темные времена отказывался бросать щепотку ладана на алтарь обожествленного кесаря. Оно выжило благодаря тем,

кто выбирал изгнание, нищету и смерть, но не соглашался называть зло добром, а войну — миром.

В небольшом архиве независимого правозащитного центра, расположенного за тысячи километров от золотых куполов Москвы, на простом деревянном стеллаже лежат картонные папки. В них нет секретных государственных планов или финансовых отчетов. Там собраны копии протоколов церковных судов, расшифровки допросов, письма лишенных сана священников и свидетельства тех, кто был вынужден покинуть свои дома из-за отказа читать молитвы о триумфе оружия.

Эти тонкие листы бумаги, исписанные убористым почерком или распечатанные на дешевых принтерах, обладают весом, который перевешивает тонны бронзы и мрамора официальных монументов. В них зафиксирована подлинная история церкви нашего времени. Не история патриарших визитов и правительственных наград, а история сопротивления человеческого духа машине расчеловечивания.

На одном из таких листов, приложенном к делу сельского священника, изгнанного за проповедь о милосердии, от руки выписана короткая цитата из Евангелия от Иоанна. Чернила слегка выцвели, но буквы проступают на белом фоне с абсолютной, непреложной ясностью: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Этот лист лежит в тишине архивной комнаты, ожидая своего часа. Он не требует доказательств, не нуждается в государственных субсидиях и не боится экспертных заключений. Он просто существует, как безмолвный и окончательный приговор любой системе, которая попыталась превратить Бога в соучастника своих преступлений, не понимая, что тем самым она лишь подписала свой собственный, не подлежащий обжалованию исторический вердикт.

Источники

1. Chapnin, S. (2025). Religion in Russia [Presentation]. UN.
<https://sobornost.cc/storage/Religion%20in%20Russia%20-%20Chapnin%20-%20UN%20presentation%202025.pdf>
2. Deutsche Welle. (2024, 28 марта). ВРНС под эгидой РПЦ назвал войну в Украине "священной". <https://www.dw.com/ru/vrns-pod-egidoj-rpc-nazval-voynu-v-ukraine-svasennoj/a-68687126>
3. Factor.am. (2023, 11 мая). РПЦ лишила сана священника, заменившего слово "победа" на "мир" в молитве. <https://factor.am/ru/63510.html>
4. Idel.Реалии. (2022, 19 декабря). Суд оштрафовал казанского священника по статье о «дискредитации» армии за подпись под антивоенной петицией.
<https://www.idelreal.org/a/32183130.html>
5. Meduza. (2022, 10 марта). Костромского священника оштрафовали на 35 тысяч рублей за антивоенную проповедь. <https://meduza.io/news/2022/03/10/kostromskogo-svyaschennika-oshtrafovali-na-35-tysyach-rublej-za-antivoennuyu-propoved>
6. Reform.news. (2024, 21 мая). Беларусского священника, который отказался освящать военную технику РФ, приняли в клир Вселенского патриархата в США.
<https://reform.news/belarussskogo-svjashhennika-kotoryj-otkazalsja-osvjashhat-voennuju-tehniku-rf-prinjali-v-klir-vselenskogo-patriarhata-v-ssha>
7. SOTA. (2024, 13 января). Московского священника Иоанна Коваля лишили сана за замену слова "победа" на "мир" в молитве. <https://sotaproject.com/news/83303>
8. The Moscow Times. (2024, 3 сентября). Еще одного священника РПЦ отстранили от служения за отказ читать молитву о войне.
<https://www.moscowtimes.ru/2024/09/03/esche-odnogo-svyaschennika-rpts-otstranili-otsluzheniya-zaotkaz-chitat-molitvu-ovoine-a141087>
9. Wikipedia. Patriarch Kirill of Moscow.
https://en.wikipedia.org/wiki/Patriarch_Kirill_of_Moscow

10. Азбука веры. (2024, 13 января). Церковный суд лишил священника сана за замену в молитве слова "победа" на "мир". <https://azbyka.ru/news/cerkovnyj-sud-lishil-svjashhennika-sana-za-zamenu-v-molitve-slova-pobeda-na-mir>
11. Архангельский, А. (2024, 6 сентября). Иеромонах Афанасий (Букин): «Покаяние нужно начинать с себя». Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/ieromonah-afanasiy-bukin-pokayanie-nuzhno-nachinatj-s-sebya-/33105216.html>
12. Благодатный огонь. (2023, 9 января). Митрополит Минский Вениамин отстранил от совершения священнодействий священника за молитву об Украине. <https://blagagon.ru/news/907/>
13. Всемирный русский народный собор. (2024, 27 марта). Внеочередной съезд ВРНС: подведение итогов, новые планы, обновленный состав Бюро Президиума и руководства. <https://vrns.ru/news/vneocherednoy-sezd-vrns-podvedenie-itogov-novyie-plany-obnovlyennyu-sostav-byuro-prezidiuma-i-rukovod/>
14. Дятлов, Е. (2024, 6 июля). Новосибирский протоиерей обвинил священников в предательстве и финансировании от западных спонсоров. Портал Компромат. <https://kompromat1.online/articles/285194-novocibirskij-protoierej-obvinil-svjashchennikov-v-predateljstve-i-finansirovanii-ot-zapadnyh-sponsorov>
15. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 30 сентября). FECRIS: экстремистская группа в сердце Европы. Итальянская точка зрения. <https://actfiles-supporters.org/fecris-ekstremistskaya-gruppa-v-serdcze-evropy-italyanskaya-tochka-zreniya/>
16. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 8 апреля). Садисты в законе. Тоталитарная секта Дворкина. <https://actfiles-supporters.org/cadisty-v-zakone-totalitarnaya-sekta-dvorkina/>
17. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 26 января). Социальная концепция РПЦ 2000 года и богословское обоснование войны. Часть 4. <https://actfiles-supporters.org/soczialnaya-konczepczyia-rpcz-2000-goda-i-bogoslovskoe-obosnovanie-vojny-chast-4/>
18. Новая газета. Балтия. (2023, 18 февраля). Константинопольский Патриарх Варфоломей восстановил в сане пятерых литовских священников. Русская православная церковь лишила их сана за критику войны и патриарха Кирилла.

<https://novayagazeta.ee/articles/2023/02/18/konstantinopolskii-patriarkh-varfolomei-vosstanovil-v-sane-piatelykh-litovskikh-sviashchennikov-russkaia-pravoslavnaia-tserkov-lishila-ikh-sana-za-kritiku-voiny-i-patriarkha-kirilla-news>

19. Новая газета. (2024, 3 июля). Новосибирского священника лишили сана за отказ читать молитву о победе. За это его обвинили в одобрении однополых браков.

<https://novayagazeta.ru/articles/2024/07/03/novosibirskogo-sviashchennika-lishili-sana-za-otkaz-chitat-molitvu-o-pobede-za-eto-ego-obvinili-v-odobrenii-odnopolykh-brakov-news>

20. Новая газета Европа. (2025, 21 января). «Горите в аду те, кто переходит границу Украины с оружием в руках». <https://novayagazeta.eu/articles/2025/01/21/gorite-v-adu-te-kto-perekhodit-granitsu-ukrainy-s-oruzhiem-v-rukakh>

21. Новопашин, А. (2024, 10 июля). Александр Новопашин: «Сколько платят за предательство Церкви и Отечества?». ЧС-ИНФО. <https://4s-info.ru/2024/07/10/aleksandr-novopashin-skolko-platyat-za-predatelstvo-tserkvi-i-otechestva/>

22. Радио Свобода. (2024, 28 марта). ВРНС под председательством Кирилла назвал войну в Украине "священной". <https://www.svoboda.org/a/vrns-pod-predsedatelstvom-kirilla-nazval-voynu-v-ukraine-svyaschennoy-/32880145.html>

23. Ромашенко, С. (2024, 17 мая). РПЦ наказала почти 60 священников за антивоенную позицию. Deutsche Welle. <https://www.dw.com/ru/rpc-nakazala-pochti-60-svasennikov-za-antivoennuu-poziciu/a-69118277>

24. Русская Православная Церковь. (2009, 23 декабря). Положение о практике запрещения священнослужителей в служении и извержения их из сана. Патриархия.ru. <https://www.patriarchia.ru/article/103745>

25. Эхо. (2024, 10 июля). «Говорит НеМосква»: Священник, выступивший против войны – о «крепостном праве» в РПЦ, спорах с прихожанами и «дьявольском искушении» пропагандой. <https://echofm.online/statya-dnya/govorit-nemoskva-svyashhennik-vystupivshij-protiv-voiny-o-krepostnom-prave-v-rpcz-sporah-s-prihozhanami-i-dyavolskom-iskushenii-propagandoj>